

ЮЛИЙ
ЛЮЦИФЕР

ОН ОТКАЗАЛСЯ
ОТ НАС.

НЕ ЗНАЯ,
ЧТО НАС
ТРОЕ...

НЕНУЖНАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА
ТРОЙНЯ, КОТОРУЮ
ОН НЕ ПРИЗНАЛ

Юлий Люцифер

Ненужная жена дракона.

Тройня, которую он не признал

<https://litres.ru/74221058>

Аннотация

Пять лет назад муж-дракон отказался от меня перед всем Советом родов. Меня назвали неверной женой, сняли брачную печать и лишили еще не рожденного ребенка права на имя. Он молчал. Я выжила. Родила тройню. Двух сыновей и дочь, в которых с каждым годом все сильнее просыпалась драконья кровь. Я прятала их чешуйки, сбивала огненную горячку, учила не показывать силу и каждый день молилась, чтобы род Моргрейвов никогда нас не нашел. Но однажды моя дочь испугалась и выпустила серебряное пламя. Теперь бывший муж стоит на моем пороге. Он смотрит на троих детей и впервые понимает, от чего отказался. Он хочет признать наследников. Совет хочет забрать их. Род хочет использовать их силу. А я хочу только одного: чтобы мои дети больше никогда не просили права на собственное имя. Пусть дракон говорит, что его обманули. Пусть клянется, что не знал. Пять лет назад он не поверил мне. Теперь я не обязана верить ему.

Содержание

Глава 1. Жена, которую вычеркнули	4
Глава 2. Трое без имени	17
Глава 3. Дракон на пороге	43
Глава 4. Я не отдам тебе детей	68
Глава 5. Проверка родового пламени	93
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Глава 1. Жена, которую вычеркнули

— Леди Алиана Морвель-Моргрейв, Совет родов признает ваш брак с лордом Рейнаром Моргрейвом расторгнутым.
Голос старейшины прозвучал ровно, почти скучающе, будто речь шла не о живой женщине, а о старой расписке, которую наконец-то нашли время убрать из архива.
Алиана стояла посреди Белого зала и держала ладонь на животе.
Под пальцами было тихо. Слишком тихо.
Еще утром ей казалось, что если она переживет этот день, то после уже переживет все. Она ждала, что Рейнар войдет, остановит советников, опрокинет их холодные слова одним взглядом и скажет хотя бы: «Она моя жена».
Не надо было клясть перед всем родом. Не надо было драконьего пламени, обрушенного на мраморные стены. Не надо было красивой защиты, которой потом будут восхищаться в салонах.
Хватило бы одного слова.
Но ее муж стоял в трех шагах от нее и молчал.
Высокий, темноволосый, с прямой спиной и неподвижным лицом, он казался вырезанным из того же белого камня, что и зал Совета. Только пальцы на рукояти церемониального клинка выдавали: он слышит. Он все слышит.
И все равно молчит.
— Основания?
— спросила Алиана.
Ей хотелось, чтобы голос прозвучал

чал твердо. Не вышло. Последнее слово дрогнуло, и где-то справа кто-то тихо усмехнулся.
Она не повернула головы. Не доставит им удовольствия. Не сейчас.
Старейшина Эдвин Карр чуть наклонил голову. Серебряная цепь Совета на его груди блеснула холодно, как лезвие.
— Основания были представлены роду Моргрейвов и подтверждены тремя независимыми печатями.
— Какими печатями?
— Печатью свидетеля, печатью крови и печатью брачной верности.
Зал будто стал уже. Стены подступили ближе, воздух загустел, и Алиана поймала себя на том, что все еще ждет: сейчас Рейнар шагнет вперед.
Он не может поверить в это.
Он же знает.
Он сам целовал ее живот ночью, когда думал, что она спит. Он сам приносил ей теплый отвар, когда ее мучило от запаха жареного мяса. Он сам однажды, неуклюже и почти сердито, положил на подушку крошечную серебряную погремушку в виде драконьего когтя и сказал, не глядя на нее:
— Не для ребенка. Просто в доме такие вещи должны быть.
Он знал.
— Рейнар, — сказала она тихо.
Муж не поднял глаз.
Алиана почувствовала, как в животе болезненно потянуло. Она сильнее прижала ладонь к себе.
— Рейнар, скажи им.
В Белом зале стало так тихо, что слышно было, как трещат свечи в высоких светильниках. На стенах, над длинными рядами кресел, застыли каменные драконы. Их раскрытые пасти смотрели вниз, будто тоже ждали ответа.
Рейнар медленно поднял голову.
И Алиана увидела его

глаза.
 Не равнодушные.
 Страшные.
 В них было столько боли, что на одно мгновение она почти простила ему молчание. Почти поверила: он не предает. Его держат. Его ломают изнутри. Его заставляют.
 Но рядом с ним стояла леди Илва Моргрейв, его мать, безупречная, холодная, в темном платье с высоким воротником. Она едва заметнo коснулась рукава сына двумя пальцами.
 Рейнар моргнул.
 И снова стал каменным.
 — Лорд Моргрейв ознакомлен с доказательствами, — произнес Карр. — Он не оспаривает решение Совета.
 Эти слова ударили Алиану не по лицу. Ниже. Глубже. Туда, где еще теплилась глупая надежда.
 Она посмотрела на мужа.
 — Это правда?
 Рейнар молчал.
 — Ты не оспариваешь?
 На скулах у него заходили желваки.
 — Алиана...
 Только имя. Хриплое, сдавленное, будто вырванное с кровью.
 Но этого было мало.
 После всего, что они прожили, после его рук на ее плечах, после ночей, когда он говорил, что род может требовать от него что угодно, кроме нее, — одного имени было мало.
 — Ребенок, — сказала она. — Что будет с моим ребенком?
 В зале опять прошел шорох. Кто-то опустил глаза, кто-то, наоборот, вытянул шею, чтобы лучше видеть. Для них это был не суд. Представление. Драконья жена, которую снимают с рода. Беременная женщина, которую сейчас признают грязным пятном на родословной.
 Карр даже не посмотрел на ее живот.
 — Возможный плод леди Алианы не признает-

ся наследником рода Моргрейвов.
 — Возможный?
 Слово вышло почти беззвучно.
 — Происхождение плода вызывает сомнение.
 На этот раз Алиана покачнулась.
 Не от слабости.
 От ярости.
 Она вскинула голову и посмотрела прямо на Карра.
 — Ложь.
 Порядам прошел недовольный шум.
 — Леди, — сухо сказал Карр, — вам стоит помнить, где вы находитесь.
 — Я нахожусь там, где старики в дорогих цепях называют ложь законом.
 Кто-то резко втянул воздух.
 Леди Илва подняла брови.
 Рейнар сделал шаг.
 Один.
 Едва заметный.
 Но тотчас остановился, словно на его горло набросили невидимую петлю. Его рука дернулась к груди, пальцы судорожно сжались. Алиана заметила это. Заметила и запомнила, потому что боль не убила в ней привычку видеть детали.
 Карр тоже заметил. И улыбнулся уголком губ.
 — Запишите, — сказал он писцу у правой стены. — Леди Алиана Морвель признает неуважение к Совету.
 — Я признаю только одно, — Алиана повернулась к мужу. — Если ты сейчас промолчишь, Рейнар, я больше никогда не стану просить тебя о защите.
 Его лицо изменилось.
 Не сильно. Чужой человек не увидел бы. Но она была его женой. Пока еще была.
 Глаза потемнели, губы дрогнули, и где-то глубоко под человеческой оболочкой шевельнулся дракон. В зале стало жарче. Свечи вытянулись тонкими синими языками.
 — Довольно, — сказала леди Илва.
 — Одного слова хватило, чтобы старейшины задвига-

лись.
 К Алиане подошла женщина в серебряной мантии хранительницы печатей.
 — Протяните руку.
 Алиана не пошевелилась.
 Хранительница впервые посмотрела ей в глаза. Не зло. Скорее устало.
 — Не сопротивляйтесь. Так будет больнее.
 — А если сопротивляться, что-то изменится?
 Женщина отвела взгляд.
 Вот и ответ.
 Алиана сама подняла правую руку.
 На запястье светилась брачная печать Моргрейвов — тонкий золотой обруч, вплавленный в кожу. В день свадьбы Рейнар держал ее ладонь так осторожно, будто боялся причинить боль. Печать тогда была теплой, почти живой. Она приняла ее не сразу: вспыхнула, потемнела, а потом вдруг обвила запястье мягким золотым светом.
 — Теперь ты под моей защитой, — сказал тогда Рейнар.
 Алиана почти усмехнулась.
 Как быстро у защиты нашлись условия.
 Хранительница положила два пальца на печать и начала шептать слова разрыва.
 Боль пришла не сразу.
 Сначала стало холодно. Так холодно, будто кто-то выдернул из тела все тепло и оставил вместо крови ледяную воду. Потом золотой обруч раскалился. Кожа под ним вспыхнула. Алиана сжала зубы, но не закричала.
 Не перед ними.
 Не перед ним.
 — От имени рода Моргрейвов, — произнес Карр, — брачная связь признана ошибочной.
 Обруч на запястье дрогнул.
 — Право супруги на имя рода отозвано.
 Золотая линия почернела.
 — Право на защиту рода отозвано.
 По коже пошли тонкие трещины света.
 —

Право возможного наследника на имя отозвано.
 В жизни дернулось.
 Алиана резко вдохнула.
 Раз.
 Ей показалось?
 Нет.
 Снова.
 Два.
 Она застыла, забыв о боли.
 И вдруг — третье слабое движение, совсем иное, ниже, будто крошечная ладонь толкнула ее изнутри.
 Три.
 В ушах зашумело.
 Три?
 Хранительница печатей сбилась с шепота. Ее пальцы дрогнули.
 — Что это? — резко спросил Карр.
 Алиана прижала свободную руку к животу. Сердце ударило так сильно, что стало больно дышать.
 Ребенок был не один.
 Их было трое.
 От этой мысли мир на миг стал до странности ясным. Белые стены. Лица старейшин. Рейнар, который смотрит на нее так, будто до него тоже дошло что-то страшное. Леди Илва, побледневшая впервые за весь суд. Карр, слишком быстро потерявший улыбку.
 Они не знали.
 Никто из них не знал.
 — Продолжайте, — жестко сказал Карр.
 — Но печать... — начала хранительница.
 — Продолжайте.
 Рейнар шагнул вперед.
 — Нет.
 Слово прозвучало тихо, но зал вздрогнул.
 Алиана повернула голову.
 Он смотрел уже не на нее. На Карра.
 — Остановите снятие печати.
 Старейшина медленно выпрямился.
 — Лорд Моргрейв, решение принято.
 — Я сказал, остановите.
 По мраморному полу скользнула тень. За спиной Рейнара, там, где еще мгновение назад был только белый камень, проступил огненный силуэт крыльев.
 Поздно, подумала Алиана.

Горько. Почти спокойно.
 Поздно, мой дракон.
 Боль взорвалась в запястье.
 Печать треснула.
 Белый зал исчез в ослепительном свете.
 Алиана не поняла, упала она или мир сам рухнул к ее ногам. Она услышала крик. Кажется, свой. Кажется, Рейнара. А может, дракона, которого слишком долго держали на цепи.
 Потом была тьма.
 Не мягкая, не спасительная. Глухая, чужая, холодная.
 В этой тьме кто-то плакал.
 Не вслух. Внутри.
 «Не дай им...»
 Алиана хотела спросить — кому? Что не дать?
 Но голоса не было.
 «Детей. Спаси детей».
 Потом тьма разошлась, и в нее ворвалась другая жизнь.
 Дождь по лобовому стеклу. Свет фар. Резкий визг тормозов. Папка с делом, выскользнувшая из рук. Чей-то крик. Удар. Боль в ребрах. Горячая кровь на губах.
 Алена Соколова.
 Тридцать два года.
 Семейный юрист. Москва. Последнее дело — мать, у которой богатый бывший муж пытался забрать ребенка через купленных экспертов и красивые бумажки.
 Алена помнила, как сказала коллеге:
 — Самое страшное не когда у женщины нет денег. Самое страшное, когда у мужчины есть связи, а у суда нет совести.
 А потом была дорога. Мокрый асфальт. Фары.
 И вот теперь — снег.
 Она открыла глаза.
 Над ней было темное небо. Не московское, не городское, а огромное, чужое, с острыми белыми звездами.
 Снег падал на лицо, таял на ресницах и губах. Под щекой был камень. Тело болело так, будто ее протащили по лестнице, а потом бросили у

ворот.
Алена попыталась вдохнуть и закашлялась.
В горле стоял вкус крови.
Она лежала на земле перед высокими железными воротами. За ними поднимался замок — черный, угловатый, с башнями, похожими на зубы. В окнах горел огонь. Где-то за стенами ревело пламя, кричали люди, звенел металл.
А рядом, прямо на снегу, лежал обломок золотой печати.
Алена подняла руку.
На запястье был ожог в форме разорванного обруча.
Она смотрела на него несколько секунд, пока чужая память не ударила в голову: Белый зал. Совет. Рейнар. Развод. Ребенок без имени. Позор. Боль.
Нет.
Не один ребенок.
Алена резко положила ладонь на живот.
Там было тихо.
— Нет-нет-нет, — прошептала она и попыталась сесть.
Тело не слушалось. Перед глазами поплыли черные круги. Но она все равно уперлась локтем в камень и поднялась на пол-ладони.
— Давайте, малыши, — хрипло сказала она. — Ну же. Хоть кто-нибудь.
Сначала ничего.
Только снег. Холод. Шум за воротами.
Потом — слабый толчок.
Алена замерла.
Второй.
Глаза защипало.
Третий.
Она выдохнула и вдруг рассмеялась. Тихо, болезненно, почти беззвучно. Не от радости даже. От злости, от ужаса, от невозможности происходящего.
— Трое, — прошептала она. — Seriously?
Ответом стало слабое движение под ладонью.
Чужое тело дрожало. Чужая память жгла изнутри. Но где-то глубоко в ней, под страхом и болью, уже поднималось то самое упрям-

ство, из-за которого Алена Соколова в своей прошлой жизни шла против мужей с деньгами, адвокатов с улыбками и судей, которые заранее знали решение.
 Она не понимала этот мир.
 Не знала его законов.
 Не знала, как выжить беременной женщине, которую только что выгнали из драконьего замка.
 Но одно она знала точно.
 Если ребенка пытаются вычеркнуть из документов до рождения, значит, кому-то очень нужно, чтобы он не имел прав.
 А если детей трое...
 Алена медленно повернула голову к воротам.
 Там, за железом и камнем, оставался мужчина, который не поверил жене. Род, который отнял имя. Совет, который называл младенцев сомнительными еще до того, как они увидели свет.
 Ее ладонь снова легла на живот.
 — Значит, так, — сказала она хрипло. — Сначала мы выживем. Потом найдем еду, крышу и врача. Потом я разберусь, что за бумажки они подписали.
 Она сглотнула кровь и улыбнулась сквозь боль.
 — А потом, драконы мои дорогие, я объясню вам разницу между законом и подделкой.
 Ворота за ее спиной дрогнули.
 Алена насторожилась.
 Сначала ей показалось, что это ветер. Но нет. За железными створками кто-то бился. Глухо, тяжело, с такой силой, что с каменных столбов посыпался снег.
 — Лорд, нельзя! — крикнул кто-то изнутри. — Совет еще не снял ограничение!
 Ответом стал рев.
 Не человеческий.
 Так мог кричать только зверь, которому выжгли сердце и приказали не чувствовать боли.

Алена попятилась бы, если бы могла. Но тело было слишком слабым. Она только сжала живот обеими руками и устоялась на воротах. Железо вспыхнуло красным. С той стороны ударили снова. На миг в щели между створками проступил огонь. И в нем — силуэт мужчины, которого память Алианы узнала раньше, чем разум Алены. Рейнар. Он рвался наружу. К ней. Поздно. Алена дернулась, пытаясь подняться. Ноги подогнулись. Она едва не упала лицом в снег, но удержалась на одной руке. Нет. Не сейчас. Она не знала, зачем он идет. Спасать? Возвращать? Добывать чужую милость поздним раскаянием? В любом случае сейчас она была слишком слаба, чтобы позволить ему решать. За воротами снова взревело пламя. Алена оглянулась. Дорога от замка уходила вниз, в темный лес. Где-то вдалеке, у подножия холма, мерцал одинокий фонарь. Может, сторожка. Может, тракт. Может, первая возможность исчезнуть. Она стиснула зубы и поползла. Каждое движение отдавалось болью в животе и запястьях. Снег забивался под рукава, колени скользили по мерзлой земле, волосы липли к лицу. Но она двигалась. Медленно. Упрямо. Дальше от ворот. — Еще немного, — шептала она детям, себе, чужой мертвой Алиане, которая оставила ей это тело и эту беду. — Мы не дадим им нас забрать. Слышите? Не дадим. Позади раздался треск. Одна створка ворот выгнулась наружу. Алена обернулась. В красном разломе железа стоял Рей-

нар Моргрейв. Лицо бледное, глаза горят золотом, на губах кровь. Его удерживали трое мужчин в черных мундирах, а на груди у него светилась темная клятвенная цепь, впившаяся прямо под кожу.
Он увидел ее.
И весь мир будто замер.
— Алиана! — крикнул он.
В этом крике было столько отчаяния, что сердце чужого тела дернулось к нему.
Но Алена прижала ладонь к животу и заставила себя отвернуться.
— Нет, — прошептала она. — Ты уже сделал выбор.
Она не видела, как он рванулся следом. Не видела, как цепь на его груди вспыхнула черным и ударила его на колени. Не видела, как леди Илва закрыла лицо ладонью, а Эдвин Карр уронил улыбку и впервые посмотрел на заснеженную дорогу с настоящим страхом.
Она только ползла вперед.
К темному лесу.
К неизвестной жизни.
К детям, которых еще никто не имел права назвать незаконными.
У фонаря внизу кто-то появился.
Сгорбленная фигура в старом плаще, с корзиной в руках. Женщина. Пожилая, крепкая, с лицом, обветренным до жесткости.
Она увидела Алиану на снегу и выронила корзину.
— Святые крылья... Девонька!
Алена попыталась ответить, но из горла вышел только хрип.
Старуха подбежала, опустилась рядом и резко втянула воздух, увидев ожог на запястье.
— Моргрейвы, значит, — сказала она уже другим тоном. — Сняли печать с беременной. Проклятые костяные гордецы.
— Помогите, — прошептала Алена. — Детям.
Старуха замерла.
—

Детям?
 Алена с трудом кивнула.
 — Их... трое.
 Лицо женщины изменилось.
 Не испугалось. Окаменело.
 Она быстро оглянулась на замок, потом наклонилась к Алиане и запахнула на ней свой плащ.
 — Молчи теперь. Ни слова больше.
 — Кто вы?
 — Та, кто знает, что делают драконы роды с детьми, которых не смогли вписать в книгу.
 Алена почувствовала, как холод проходит уже не только по коже — глубже.
 — И что они делают?
 Старуха подняла ее с неожиданной силой.
 — Если дети слабые — вычеркивают. Если сильные — забирают. Если слишком сильные...
 Она не договорила.
 Сверху, от ворот, снова донесся рев. Земля под ногами дрогнула.
 Старуха выругалась сквозь зубы.
 — Держись за меня, девонька. Если хочешь, чтобы твои трое дожили до утра, нам надо исчезнуть до того, как дракон сорвет клятву.
 Алена обвила рукой ее плечи.
 — А если сорвет?
 Старуха посмотрела на замок, где над башнями уже поднималось черное пламя.
 — Тогда он найдет тебя. Но сначала весь род узнает, что отказался не от одного ребенка.
 Она потянула Алиану к дороге, прочь от света замка.
 Алена в последний раз оглянулась.
 За сломанными воротами стоял Рейнар на коленях. Он смотрел на нее так, будто хотел запомнить даже следы ее крови на снегу. Между ними были железо, клятва, ложь и целая жизнь, которую у нее только что отняли.
 А под ее ладонью снова дрогнули три маленьких сердца.
 Раз.
 Два.

Три.
Алена отвернулась.
— Ненужная жена, значит, — прошептала она. — Посмотрим, как вы заговорите, когда узнаете про ненужных наследников.

Глава 2. Трое без имени

Пять лет спустя Алиана проснулась до рассвета.
 Не потому, что выпалась. За последние пять лет она вообще плохо помнила, как это — проснуться самой, без тревоги, детского кашля, звона посуды, чужого стука в дверь или внезапного жара, от которого в комнате начинали тлеть занавески.
 Сегодня было тихо.
 И именно это насторожило сильнее любого крика.
 Алиана не открывая глаз прислушалась.
 За тонкой стеной сопел Арсен. Ровно, глубоко, по-взрослому сдержанно даже во сне. Он всегда так спал: будто не отдышал, а нес караул и позволял себе только на время закрыть глаза.
 Чуть дальше Мирон что-то пробормотал в подушку. Наверное, спорил с кем-то во сне. Или с самой подушкой. У Мирона и с подушками были сложные отношения, если те лежали недостаточно удобно.
 А у самой двери, прямо на старом коврикe, свернулась Лея. Опять.
 Алиана наконец открыла глаза и повернула голову.
 В слабом сером свете, который просачивался в комнату через неплотные ставни, дочь казалась совсем маленькой. Пять лет почти сравняли детей ростом, но Лея все равно выглядела младше братьев: тонкие запястья, мягкие щеки, светлые пряди, выбившиеся из косы. Спала она в обнимку с деревянным драконом, которого Арсен вырезал ей прошлой

зимой, и упрямо поджимала ноги, чтобы уместиться на коврикe.
 — Лея, — тихо позвала Алиана.
 Девочка не проснулась.
 Алиана осторожно поднялась с кровати, накинула на плечи шаль и подошла к дочери. Присела рядом, убрала волосы с ее лица.
 Под пальцами блеснуло серебро.
 Не украшение.
 Чешуйка.
 Маленькая, тонкая, почти прозрачная, у самого виска.
 Алиана замерла.
 Потом медленно выдохнула, заставляя себя не паниковать раньше времени. Паника не помогала. Паника только делала руки неловкими, а голос резким. Этому она научилась еще в первую зиму, когда у Арсена поднялась драконья горячка и он едва не сжег кровать вместе с одеялом.
 Она встала, достала из ящика маленькую жестяную коробку и вернулась к Лее. Внутри лежала мазь с серым корнем, пеплом болотной мяты и каплей ее собственной крови. Старуха Марта, та самая женщина, которая пять лет назад нашла Алиану на снегу у дороги, называла эту мазь «дурью отчаянных матерей».
 — Не лечит, — ворчала она. — Только прячет. А все, что спрятано, однажды вылезает наружу в самый паршивый день.
 Марта умерла второй весной, успев научить Алиану принимать роды у козы, торговаться с лекарями, отличать настоящий драконий жар от обычной лихорадки и никогда не верить тем, кто слишком красиво говорит о законе.
 Последнее Алиана и сама умела.
 Она коснулась мазью чешуйки у виска Леи. Серебро померкло,

будто ушло под кожу.
 Дочь поморщилась во сне.
 — Мам, я не брала медовые сухари, — пробормотала она.
 — Конечно, не брала, — шепнула Алиана. — Они сами убежали тебе в карман.
 Лея улыбнулась, не просыпаясь.
 Алиана осторожно подняла ее на руки. За пять лет она привыкла носить детей даже тогда, когда силы заканчивались еще вчера. Переложила дочь на свою кровать, накрыла одеялом и только потом позволила себе прислониться лбом к стене.
 Сегодня был праздник Первого огня.
 Худший день для чешуек.
 Худший день для детских вспышек.
 Худший день для города, где каждый торговец, каждая соседка и каждый пьяный мастер считал своим долгом смотреть на чужих детей внимательнее, чем на собственный кошелек.
 Алиана могла бы не идти.
 Могла бы закрыть ставни, сказать детям, что праздник отменили, испечь им лепешки с яблоками и весь день делать вид, будто им ничего не запрещено.
 Но Арсену уже было пять. Мирону и Лее тоже почти пять, хоть родились они с разницей в несколько ударов сердца. Они видели, как другие дети бегают по площади с бумажными драконами, слушали музыку, чувствовали запах жареных орехов и медового теста. Они не спрашивали прямо, потому что слишком рано научились не просить лишнего.
 Вот это и убивало сильнее всего.
 Дети, которые знают, что их желания могут быть опасны, перестают быть детьми слишком быстро.
 — Мам?

Алиана обернулась.
 В дверном проеме стоял Арсен. В длинной ночной рубашке, босой, волосы взъерошены, глаза настороженные.
 — Что случилось?
 Не «доброе утро». Не «можно пить». Не «где Лея». Сразу — что случилось.
 Алиана улыбнулась. Мягко. Так, чтобы он поверил, даже если сам уже почти не умел.
 — Ничего. Лея опять уснула у двери.
 Арсен посмотрел на сестру, потом на жестяную коробку в руке матери.
 — Чешуйки?
 — Одна. Маленькая.
 Он нахмурился.
 — Сегодня не надо идти.
 В пять лет он говорил так, как другие мужчины говорили в сорок: коротко, твердо, уже решив за всех.
 Алиана присела перед ним.
 — Мы можем не идти, если ты не хочешь.
 Арсен сразу отвел глаза.
 Вот оно.
 Хочет.
 Так сильно хочет, что готов сам отказаться, пока отказ не прозвучал от нее.
 — Мирон хотел посмотреть на стеклянных птиц, — сказал он.
 — А ты?
 — Мне все равно.
 — Арсен.
 Он молчал.
 Алиана взяла его за руку. На пальцах сына кожа была горячее, чем у обычного ребенка. Всегда. Внутри Арсена жило пламя, которое ему приходилось держать на короткой цепи.
 — Ты тоже имеешь право хотеть.
 Он посмотрел на нее исподлобья.
 — Если я захочу, будет хуже.
 — Не всегда.
 — Почти всегда.
 Алиана почувствовала, как неприятно сжалось горло. Иногда ей казалось, что Карр и Совет все-таки добились своего. Они не забрали детей, не вписали в свои книги, не

посадили под надзор, но их тень уже лежала на каждом утре в этом доме.
 — Сегодня мы пойдем на площадь, — сказала она. — На час. Купим Мирону стеклянную птицу, Лее медовые сухари, тебе...
 — Ничего не надо.
 — Тебе новый нож для резьбы по дереву.
 Арсен дернулся.
 Совсем немного.
 — Он дорогой.
 — Я вчера получила плату за договор мельничихи.
 — Ты говорила, что эти деньги на крышу.
 — Крыша подождет.
 — Она течет.
 — Зато не плачет по ночам, что ей никогда ничего не покупают.
 Уголок его губ дрогнул.
 Почти улыбка. У Арсена это считалось большой победой.
 Из соседней комнаты раздался сонный голос:
 — Если крыша начнет плакать, я с ней поговорю. У нас много общего.
 Мирон появился следом, худой, взъерошенный, с одеялом на плечах, как с мантией королевского советника, которого насильно подняли до завтрака.
 — Доброе утро, мой несчастный дом, — сказал он. — Мама, Лея опять спала у двери?
 — Да.
 — Значит, ночью боялась.
 Арсен посмотрел на брата резко.
 — Она не говорила.
 — Ей не надо говорить. Она сопит по-другому, когда боится.
 Лея на кровати открыла один глаз.
 — Я не соплю.
 — Сопишь.
 — Сам сопишь.
 — Я дышу с достоинством.
 — Ты храпишь как старый кот госпожи Неллы.
 — У госпожи Неллы нет кота.
 — Был. Он убежал, потому что ты храпел громче.
 Мирон

возмутился до глубины души и открыл рот для ответа, но Алиана подняла руку.
 — Завтрак. Умыться. Потом праздник. У нас один час, и я не собираюсь тратить его на спор о достоинстве храпа.
 Лея мгновенно села.
 — Мы пойдем?
 — Пойдем.
 — На площадь?
 — На площадь.
 — А можно кукольный театр?
 — Если успеем.
 — А медовые сухари?
 — Если кое-кто не таскал их во сне.
 Лея прижала деревянного дракона к груди и сделала такие невинные глаза, что Мирон фыркнул.
 — У нее лицо преступницы.
 — У тебя лицо доносчика, — парировала Лея.
 — Я не доносчик, я свидетель.
 — Дети, — сказала Алиана.
 Все трое замолчали.
 Не потому, что испугались. Потому что знали этот тон. Он означал: мать уже на грани, а завтрак еще не начался.
 Дом у них был маленький, перекошенный и упрямый, как все, что пережило больше зим, чем могло себе позволить. Две комнаты внизу, чердак, где хранились травы, старые сундуки и бумаги Алианы, крошечная кухня с печью, которую приходилось уговаривать каждое утро. Дом стоял на краю приграничного города Лисса, между лавкой сапожника и мастерской вдовы Берты, чьи пироги могли примирить даже соседей, спорящих из-за забора уже третье поколение.
 На вывеске у двери аккуратными буквами было написано:
 «Брачные и наследственные бумаги. Проверка договоров. Помощь женщинам без родовой защиты».
 Ни имени

Моргрейв.
 Ни слова «леди».
 Ни намек на драконов.
 Просто Алиана Морвель.
 Женщина с тремя детьми, острым пером и репутацией той, кто умеет находить в договорах то, что другие предпочитали не замечать.
 Пока дети ели овсяную кашу с яблоками, Алиана проверила их одежду.
 Арсен — темная куртка с высоким воротом, закрывающим шею. На левой ключице у него иногда проступал знак родового огня, похожий на тонкую красную трещину. Сегодня кожа была чистой.
 Мирон — манжеты плотно застегнуты. У него на запястьях появлялись черные нити, когда рядом кто-то лгал под клятвой. С этим было сложнее. Ложь в Лиссе встречалась чаще, чем свежая рыба в рыбном ряду.
 Лея — волосы заплетены так, чтобы закрывать виски. Под рукавами тонкие повязки с мазью. В кармане — сухая лаванда. Она помогала, если серебряное пламя начинало собираться под кожей.
 — Правила, — сказала Алиана, завязывая дочери шарф.
 Мирон закатил глаза.
 — Не злиться, не пугаться, не показывать огонь, не спорить с пьяными, не отвечать, если кто-то спросит про отца.
 — Мирон.
 — Что? Я кратко.
 Арсен спокойно добавил:
 — Держаться рядом. Если толпа — Лея между нами. Если стража — молчать. Если маг — уходим.
 Алиана посмотрела на старшего сына.
 — Тебе пять лет.
 — Ты говоришь это каждый раз, когда я прав.
 Лея подняла руку.
 — А если будут медовые сухари?
 —

Тогда покупаем, — сказала Алиана. — Но без пламени.
Дочь кивнула серьезно.
— Без пламени.
Все трое по очереди протянули ей руки. Это был их обычай перед выходом. Алиана коснулась каждого запястья, проверяя температуру, кожу, скрытые знаки. Потом поцеловала каждого в макушку.
— Мы просто семья, которая идет на праздник, — сказала она.
— Мы и есть семья, — тихо ответил Арсен.
Алиана замерла на миг.
— Да, мой хороший. Именно так.
На улице пахло мокрым деревом, дымом и свежим хлебом. Лисс просыпался шумно: ставни хлопали, торговцы ругались, мальчишки тащили к площади бумажных драконов на палках, женщины в теплых платках несли корзины, из пекарни тянуло корицей. Над крышами висели гирлянды красных и золотых лент — в честь Первого огня, праздника, который в драконьих землях отмечали даже те, кто драконов видел только на монетах и гербах.
Для обычных людей это был день ярмарки, сладостей, музыки и гаданий на свечном пламени.
Для драконьих родов — день памяти о первом признании наследника.
Для Алианы — день, когда лучше было бы запереть детей в погребе и молиться, чтобы никто не заметил, как у Леи серебрятся ресницы.
Но Лея шла между братьями, крепко держа их за руки, и смотрела на мир такими сияющими глазами, что Алиана запретила себе жалеть о решении раньше времени.
— Смотрите! — Лея подпрыгнула. — Птицы!

 Над площадью кружили стеклянные птицы. Мастер в синем жилете запускал их из раскрытого ящика: тонкие прозрачные фигурки взмывали вверх, ловили солнце и рассыпали по лицам людей разноцветные блики.
 Мирон остановился как вкопанный.
 — Они не настоящие, — сказал он с подозрением.
 — Конечно, не настоящие, — ответил мастер, услышав его. — Настоящие за три медяка не продаются.
 — А эти почему летают?
 — Маленький наговор на крыльях.
 — Покажите.
 Мастер засмеялся.
 — А ты не слишком мал, чтобы проверять чужую работу?
 Мирон посмотрел на него внимательно.
 — Вы говорите так, будто боитесь, что я найду ошибку.
 Улыбка мастера стала не такой уверенной.
 Алиана положила руку сыну на плечо.
 — Мирон.
 — Я вежливо.
 — Ты вежливо угрожаешь взрослому человеку.
 — Это лучше, чем невежливо.
 Мастер, к счастью, оказался не обидчивым. Он выбрал маленькую птицу из зеленоватого стекла и протянул Мирону.
 — Держи, проверяющий. Только не ломай. У нее характер хуже, чем у моей тещи.
 Мирон взял птицу обеими руками. Та дрогнула, расправила крылья и села ему на палец. На лице сына мелькнуло такое чистое изумление, что Алиана на секунду увидела в нем обычного ребенка.
 Не наследника без имени.
 Не мальчика, который слышит ложь.
 Просто сына, которому подарили чудо за три медяка.
 Она заплатила

мастеру и отвернулась, чтобы никто не заметил, как дрогнули губы.
 — Мам, — тихо сказал Арсен рядом.
 — Что?
 Он смотрел не на птицу. На другой край площади.
 Там, возле лавки с тканями, стоял незнакомый мужчина в темно-сером дорожном плаще. Высокий, плечистый, с гладко выбритым лицом и слишком чистыми сапогами для человека, который якобы просто пришел на ярмарку. Он не покупал, не улыбался, не смотрел по сторонам.
 Он смотрел на Лею.
 Алиана почувствовала, как праздник вокруг сразу стал чужим.
 — Дети, ко мне, — сказала она спокойно.
 Мирон тут же сжал птицу в ладони.
 Лея послушно шагнула ближе, но не поняла почему.
 — Мам?
 — Мы идем за сухарями, — сказала Алиана. — Потом домой.
 — Но театр...
 — В другой раз.
 Лея открыла рот, но Арсен уже взял ее за руку.
 — Потом, — сказал он сестре. — Мама сказала.
 Дочь насупилась, но спорить не стала.
 Алиана повела их через толпу, не ускоряя шаг. Нельзя бежать. Бегут виноватые. Бегут те, кому есть что скрывать.
 У нее было что скрывать.
 Значит, бежать нельзя тем более.
 Серый плащ двинулся следом.
 Алиана свернула к ряду с пряностями. Запах перца, сушеной кожуры и копченых трав ударил в нос. Мирон тихо чихнул. Лея зажала нос ладошкой.
 — Мам, сухари в другой стороне.
 — Я знаю.
 — Нас кто-то смотрит? — шепнул Арсен.
 Не «кто-то преследует». Не «тот

мужчина». Он спрашивал так, чтобы не напугать Лею.
— Возможно.
Мирон обернулся.
— Не надо, — резко сказала Алиана.
— Я просто посмотрю.
— Именно это и не надо.
— Но если он лжет...
— Мирон.
Сын сжал губы.
Они почти дошли до узкого прохода между лавками, который вел к задним улицам, когда на площади раздался детский крик.
Не испуганный. Восторженный.
— Огненные змеи!
Толпа качнулась в другую сторону.
Алиана выругалась про себя.
Каждый год на празднике выступали бродячие фокусники. Каждый год она надеялась, что именно в этот раз они уедут в другой город, сломают повозку, потеряют змей, женятся, утонут в собственном самодовольстве — что угодно.
Не повезло.
Над площадью вспыхнули длинные ленты пламени. Они взвились, скрутились в воздухе, изображая крылатых змей. Люди захлопали. Дети завизжали от восторга.
Лея остановилась.
Алиана сразу почувствовала перемену.
Рука дочери стала горячей.
— Лея, не смотри.
— Они красивые, — прошептала девочка.
— Лея, на меня.
Но дочь уже смотрела на огонь.
В серебристых глазах отражались пляшущие змеи. На виске, под волосами, проступила первая чешуйка. Потом вторая.
Арсен развернулся, закрывая сестру от толпы.
— Лея.
— Я не буду, — сказала она испуганно. — Мам, я правда не буду.
Но страх — худшая вещь для ее дара.

Огонь фокусников взвился выше. Один из пылающих змеев сорвался с палки и пролетел над толпой слишком низко. Люди ахнули. Кто-то толкнул Алиану плечом. Мирон пошатнулся, стеклянная птица выпала у него из руки и разбилась на мостовой.
 Лея вскрикнула.
 Не из-за птицы.
 Из-за мужчины в сером плаще, который появился прямо перед ними.
 Теперь Алиана увидела на его воротнике маленький знак: черная чешуя в серебряном круге.
 Посланник Совета родов.
 — Простите, госпожа, — сказал он вежливо. — Ваши дети?
 Мирон побледнел.
 Арсен шагнул вперед.
 Алиана положила руку ему на плечо и заставила опустить подбородок. Не бросаться. Не сейчас.
 — Мои, — сказала она.
 Мужчина улыбнулся.
 — Интересная семья.
 — Обычная.
 — О, в Лиссе ничего обычного не бывает.
 Он перевел взгляд на Лею.
 — Особенно в праздник Первого огня.
 Дочь дрожала.
 Алиана чувствовала, как под пальцами на плече Арсена собирается жар. Мирон смотрел на посланника снизу вверх, и его губы медленно белели — значит, слышал ложь. Или готовую клятву. Или что-то хуже.
 — Мы спешим, — сказала Алиана. — Дайте пройти.
 — Конечно.
 Но он не отступил.
 За спиной Алианы хлопнули люди — фокусник запустил последнюю огненную змею. Та взмыла над площадью и рассыпалась золотыми искрами.
 Одна искра упала Лее на рукав.

Обычный ребенок вскрикнул бы и стряхнул.
 Лея испугалась.
 И ее кровь ответила.
 Серебряное пламя вспыхнуло из-под ее ладоней.
 Не большое. Не опасное. Только тонкий светлый язык огня, который на миг обвил ее пальцы и поднялся вверх прозрачной спиралью.
 Но площадь замолчала.
 Такой тишины Алиана не слышала уже пять лет.
 Лея всхлипнула и спрятала руки за спину, будто могла вернуть огонь обратно.
 — Мам...
 Алиана мгновенно опустилась перед ней на колени, закрывая дочь собой.
 — Тихо. Дыши. Смотри на меня.
 — Я не хотела.
 — Я знаю.
 — Мам, я не хотела.
 — Знаю, родная.
 Арсен встал слева. Мирон справа. Оба слишком маленькие, чтобы защищать ее, и слишком упрямые, чтобы отойти.
 Посланник Совета больше не улыбался.
 Он смотрел на серебряные искры, тающие в воздухе над руками Леи. Смотрел жадно. Почти с восторгом.
 — Серебряное пламя памяти, — произнес он тихо.
 Алиана поднялась.
 — Вы ошиблись.
 — Нет. В таких вещах я не ошибаюсь.
 — Моя дочь испугалась фокуса. Только и всего.
 — Ваша дочь только что показала дар, который встречается исключительно в линиях древних драконьих родов.
 По толпе прошел шепот.
 Драконья кровь.
 Дети.
 Серебряное пламя.
 Алиана видела, как слова перескакивают с лица на лицо, как глаза становятся круглыми, как люди, которые еще вчера

здоровались с ней у пекарни, теперь отступают на шаг.
Страх заразителен.
 А чужие дети с опасным даром — удобный повод забыть всю доброту.
 — Ваше имя, госпожа? — спросил посланник.
 Алиана молчала.
 Мирон вдруг сказал:
 — Вы уже знаете.
 Посланник перевел взгляд на него.
 — Что?
 — Вы спросили, но уже знаете. Значит, вопрос ложный.
 Алиана сжала руку сына.
 Поздно.
 На лице мужчины появилась новая внимательность.
 — Любопытно.
 Арсен тихо зарычал.
 Не по-детски.
 Глубоко, хрипло, так, что ближайшая торговка вскрикнула и прижала к груди корзину.
 — Еще и огненный щит, — почти ласково сказал посланник. — Трое?
 Алиана почувствовала, как земля уходит из-под ног.
 Он понял.
 Не все. Но достаточно.
 Ее взгляд метнулся к проходу между лавками. Слишком далеко. Толпа сомкнулась. Люди уже не расходились, они смотрели. Ждали продолжения.
 С такими лицами когда-то смотрели на нее в Белом зале.
 Посланник достал из внутреннего кармана тонкую пластину черного металла. Провел большим пальцем по краю. На поверхности вспыхнул знак Совета.
 — Именем Совета родов я обязан сообщить о выявлении ребенка с незарегистрированным драконьим даром.
 — Не обязаны, — сказала Алиана.
 — Закон требует.
 — Закон много чего требует от женщин и удивительно мало от тех, кто его пишет.
 Его глаза сузились.

— Вы говорите опасные вещи.
 — Я растила троих детей без родовой защиты пять лет. Ваше «опасно» меня уже не пугает.
 Но это была ложь.
 Пугало.
 Пугало так, что пальцы немели.
 Не за себя. За Лею, которая вцепилась в ее юбку. За Мирона, который сейчас обязательно скажет лишнее, если услышит очередную ложь. За Арсена, у которого под кожей уже собирался огонь, а на площади было слишком много сухих лент, дерева и людей.
 Посланник приложил пластину к губам.
 Алиана шагнула вперед.
 — Не смейте.
 Он усмехнулся.
 — Госпожа, вы не в положении приказывать.
 И произнес в металл:
 — Обнаружен носитель серебряного пламени. Девочка. Около пяти лет. Возможная связь с древней драконьей линией. При ней двое мальчиков с признаками дара. Мать скрывала детей в Лиссе под именем...
 Алиана ударила его по руке.
 Не магией. Не оружием. Просто ладонью, резко, точно, как когда-то выбивала у наглого клиента телефон, которым он снимал испуганную женщину у суда.
 Пластина вылетела и упала в грязь.
 Толпа ахнула.
 Посланник медленно повернул к ней лицо.
 — Вы только что напали на представителя Совета.
 — Нет, — сказала Мирон неожиданно громко. — Она помешала вам солгать.
 — Мирон, молчи.
 — Он сказал «мать скрывала». Это ложь. Ты нас спасала.
 Алиана закрыла глаза на долю секунды.
 Господи, сынок.
 Мужчина в сером

плаще улыбнулся так, что стало холодно.
 — Дар истины.
 Мирон понял свою ошибку. Побледнел, но подбородок не опустил.
 Арсен взял брата за руку.
 Лея заплакала беззвучно.
 Алиана встала между детьми и посланником.
 — Мы уходим.
 — Нет.
 — Попробуйте остановить.
 Он поднял руку.
 Из толпы выступили двое городских стражников. Не плохие люди. Алиана знала одного: жена приходила к ней за помощью, когда брат мужа пытался отнять лавку после смерти отца. Он избегал смотреть ей в глаза.
 — Простите, госпожа Алиана, — пробормотал он. — Нам приказали.
 — Кто?
 Стражник кивнул на посланника.
 — Советская власть выше городской.
 — Конечно, — сказала она. — Выше совести тоже, видимо.
 Ему стало стыдно. Но он все равно не отошел.
 И тогда над площадью раздался звон.
 Тонкий, чистый, будто кто-то ударил по огромному стеклянному колоколу.
 Все подняли головы.
 На северной дороге, ведущей к столице, вспыхнула линия огня. Сначала маленькая, как закатный отблеск. Потом шире. Ярче. Ленты на крышах затрепетали от горячего ветра.
 Посланник Совета побледнел.
 Алиана поняла раньше, чем увидела.
 Пять лет она представляла этот миг. Ненавидела его заранее. Боялась. Готовилась. Придумывала слова, которые скажет, если он все-таки найдет ее. Отрепетировала сотни вариантов — холодных, гордых, убийственно спокойных.
 И

забыла все.
 Потому что на площадь вошел Рейнар Моргрейв.
 Он шел без плаща, в темном дорожном камзоле, запыленном после быстрой езды. За его спиной остановились трое всадников с гербом черного дракона. Лицо у Рейнара было жестким, чужим, старше, чем в ее памяти. На висках появились первые серебряные нити. Под глазами — тени, которые не давал простой недосып.
 Но глаза...
 Алиана ненавидела себя за то, что узнала их сразу.
 Золотой огонь под северным льдом.
 Рейнар остановился на краю площади.
 Посланник Совета резко поклонился.
 — Лорд Моргрейв.
 Рейнар не ответил.
 Он смотрел не на него.
 На Алиану.
 Пять лет исчезли плохо. Не сразу. Они стояли между ними — холодные, тяжелые, полные детского жара, долгов, ночей без сна, страха перед каждым стуком. Но под ними все равно было то последнее мгновение у ворот, где он стоял на коленях за железом и кричал ее имя.
 Теперь он молчал.
 Опять.
 Алиана подняла подбородок.
 Лея спряталась за ее юбку. Арсен встал перед матерью, маленький, тонкий, с прямой спиной и глазами, слишком похожими на Рейнара. Мирон смотрел на дракона так внимательно, будто пытался услышать ложь еще до слов.
 Рейнар перевел взгляд на детей.
 Сначала на Арсена.
 На черные волосы. На золотистые искры в темных глазах. На стойку, которую никто не учит в пять лет, если в крови нет памяти рода.

Потом на Мирона.
 На бледное лицо, сжатые губы, тонкие черные линии, проступившие на запястьях.
 Потом на Лею.
 Девочка выглянула из-за Алианы. Серебряные искры еще дрожали у нее на пальцах.
 Рейнар побледнел.
 Не как человек, которому стало дурно.
 Как мужчина, который только что увидел перед собой приговор.
 — Алиана, — сказал он.
 Ее имя прозвучало так, будто пять лет он не имел права произносить его вслух.
 Она не ответила.
 Рейнар сделал шаг.
 Арсен мгновенно вскинул руку. Перед ним вспыхнула тонкая огненная дуга — слабая, неровная, но настоящая.
 Толпа вскрикнула.
 Рейнар застыл.
 Алиана положила ладонь на плечо сына.
 — Арсен.
 — Он не подойдет, — сказал мальчик.
 Голос у него был спокойный. Почти ледяной.
 Рейнар смотрел на него, и в его лице что-то ломалось.
 — Как тебя зовут? — спросил он тихо.
 Арсен не ответил.
 За него сказал Мирон:
 — А вы пришли снова отказываться?
 Площадь замерла.
 Рейнар медленно перевел взгляд на второго мальчика.
 — Что?
 Мирон вышел из-за матери на полшага. Маленький, худой, с разбитой стеклянной птицей в кулаке.
 — Я спрашиваю: вы пришли снова отказываться? Чтобы мы зря не стояли.
 Алиана закрыла глаза.
 На миг ей захотелось прижать сына к себе и одновременно попросить его продолжать, потому что ни одно ее заготовленное слово не ударило

бы Рейнара сильнее.
 Дракон посмотрел на нее.
 — Трое, — сказал он почти беззвучно.
 Алиана улыбнулась.
 Не тепло. Не мягко.
 Так улыбаются женщины, которым уже нечего доказывать.
 — Да, лорд Моргрейв. Трое.
 Он шагнул было вперед, но остановился сам.
 Правильно.
 Наконец-то.
 — Я не знал, — сказал он.
 Мирон дернулся, будто услышал что-то, чего другие не могли.
 Алиана заметила.
 Рейнар тоже.
 Но она не дала ему спросить.
 — Конечно, — сказала она. — Вы тогда вообще мало что знали. Особенно когда молчали.
 Посланник Совета кашлянул.
 — Лорд Моргрейв, согласно закону, дети с незарегистрированными дарами должны быть доставлены в столицу для проверки родового происхождения и безопасности...
 Рейнар медленно повернул голову.
 — Кто дал вам право трогать их?
 — Совет, мой лорд.
 — Я спросил не чьим именем вы прикрываетесь. Я спросил, кто дал вам право.
 Посланник отступил на полшага.
 Алиана смотрела на Рейнара и не позволяла себе верить ни одному движению. Да, сейчас он казался разгневанным. Да, голос стал опасным. Да, пламя дрогнуло в воздухе, и даже праздничные ленты на крышах свернулись от жара.
 Но когда-то он тоже казался ее защитой.
 А потом Белый зал оказался громче его сердца.
 — Эти дети находятся под вниманием Совета, — упрямо сказал посланник. — У девочки серебряное пламя памяти.

У мальчика, вероятно, дар истины. У второго...
 — У второго есть мать, — перебила Алиана. — Как и у остальных.
 Рейнар снова посмотрел на нее.
 В его взгляде мелькнуло что-то почти болезненное.
 — Алиана...
 — Не надо.
 — Я искал тебя.
 Она тихо рассмеялась.
 — Пять лет?
 — Да.
 — Плохо искал.
 — Меня держала клятва.
 — Меня держали трое младенцев, жар, голод и страх, что каждый стук в дверь — это ты. Видишь, у каждого были трудности.
 Он вздрогнул.
 Хорошо.
 Пусть.
 Впервые за пять лет она могла говорить ему это в лицо.
 Лея тихо всхлипнула.
 Рейнар мгновенно посмотрел на нее, и в его лице снова появилась та растерянная боль, от которой Алиане стало только злее. Он не имел права смотреть на ее детей так, будто они были чудом, украденным у него. Чудо не украли. От него отказались.
 — Как ее зовут? — спросил он.
 — Лея, — ответила девочка сама, не выходя из-за матери. — Но вам можно не запоминать.
 Рейнар побледнел еще сильнее.
 Мирон тихо сказал:
 — Она добрая. Я бы не был таким щедрым.
 Арсен не сводил с отца глаз.
 — Мама, мы домой?
 Одно слово — домой — поставило все на место.
 Не замок Моргрейвов.
 Не родовой зал.
 Не право крови.
 Дом — маленький перекошенный дом на краю Лисса, где крыша текла, печь капризничала, а дети знали, что их любят без печатей и проверки пламени.
 —

Домой, — сказала Алиана.
 Посланник Совета шагнул вперед.
 — До выяснения обстоятельств городская стража не может позволить вам покинуть площадь.
 Рейнар повернулся к нему.
 — Повторите.
 Тот сглотнул.
 — Закон...
 — Я сказал, повторите.
 В воздухе запахло грозой и раскаленным камнем.
 Алиана вдруг поняла, что еще немного — и Рейнар сорвется. Не как тогда. Не связанный, не подавленный, не поздний. Сейчас он мог сжечь половину площади, если кто-то протянет руку к детям.
 И это тоже было опасно.
 Для них.
 Для нее.
 Для всех.
 — Рейнар, — сказала она резко.
 Он обернулся.
 Она не называла его по имени пять лет. Имя сорвалось само, как старая привычка, которую не доби́ли ни боль, ни злость.
 Его лицо изменилось.
 Алиана пожалела сразу.
 — Убери огонь, — сказала она холодно. — Здесь дети.
 Он медленно вдохнул.
 Пламя в воздухе стало тише.
 Посланник смотрел то на него, то на нее, и Алиана видела, как в его голове складывается новое понимание: лорд Моргрейв слушает изгнанную жену.
 Плохо.
 Очень плохо.
 Такие вещи быстро превращаются в оружие.
 — Я провожу вас, — сказал Рейнар.
 — Нет.
 — Алиана...
 — Нет, лорд Моргрейв. Вы не провожаете. Не приказываете. Не решаете. Вы вообще сейчас ничего не делаете без моего согласия.
 Арсен чуть заметно выдохнул.
 Мирон посмотрел на Рейнара

с интересом.
 Лея все еще держалась за юбку матери, но плакать перестала.
 Рейнар опустил голову.
 Не сильно. Не как покорный. Но как мужчина, который впервые за долгое время понял, что власть здесь ничего не значит.
 — Хорошо, — сказал он.
 Алиана не ожидала, и от этого стало еще хуже.
 Она была готова к приказам, угрозам, попытке забрать детей, драконьей ярости. К этому у нее были ответы. А вот к тихому «хорошо» — нет.
 — Мы идем домой, — сказала она. — Одни.
 — Посланник Совета уже отправил сообщение.
 — Не успел полностью.
 — Достаточно, чтобы в столице узнали о серебряном пламени.
 Алиана сжала зубы.
 Рейнар продолжил, осторожно, будто каждое слово могло стать новым ударом:
 — Если я уйду сейчас, к вечеру сюда придут люди Карра. Не один посланник. Отряд. С предписанием.
 — И вы, конечно, предлагаете мне спрятаться за вашей спиной?
 — Я предлагаю не дать им забрать детей.
 — Вы уже однажды не дали?
 Он принял удар молча.
 Хорошо принял. Без оправданий.
 Это раздражало.
 Потому что злиться на того, кто огрызается, проще.
 — Мам, — тихо сказал Мирон.
 Алиана наклонилась к нему.
 — Что?
 Он смотрел на Рейнара.
 — Он не совсем лжет.
 Слова ударили по ней неожиданно.
 — Что значит не совсем?
 Мирон нахмурился, подбирая объяснение.
 — Когда он сказал, что не знал, оно звучало... не

пусто. Но не чисто. Как будто в слове дырка.
Рейнар резко побледнел.
Алиана заметила.
— Что вы не договорили? — спросила она.
Он смотрел на Мирона так, словно видел в нем не только сына, но и страшное доказательство.
— Я не помню часть того дня, — сказал Рейнар.
— Удобно.
— Да.
Его ответ сбил ее.
— Удобно, — повторил он глухо. — И это не оправдание.
Мирон тихо выдохнул.
— Вот это чисто.
Алиана не знала, что делать с болью, которая внезапно дернулась в груди.
Не жалость.
Нет.
Скорее злость на мир, где даже правда приходит слишком поздно и не лечит ничего.
Посланник Совета, до этого молчавший, резко поднял пластину из грязи. На ней снова мигнул черный знак.
— Сообщение ушло, — сказал он. — Совет будет ждать детей в столице.
Алиана медленно повернулась к нему.
— Моих детей.
— Незарегистрированных носителей драконьих даров, — поправил он.
Арсен снова зарычал.
Рейнар сделал шаг вперед, но Алиана опередила его.
Она подошла к посланнику сама. Близко. Так, чтобы ему пришлось смотреть ей в глаза.
— Запомните мое имя правильно, раз уж любите сообщения. Алиана Морвель. Мать Арсена, Мирона и Леи. Не хранительница чужой собственности. Не бывшая жена в архивной сноске. Не женщина без прав. Мать. И если Совет хочет поговорить с моими детьми, он сначала будет говорить со мной.
Мужчина усмехнулся.
—

Совет говорит с родами, госпожа Морвель. Не с женщинами без имени.
Алиана улыбнулась.
— Вот и начнем с этого. Я отлично умею объяснять старым мужчинам, где они ошиблись в документах.
Она повернулась к детям.
— Домой.
Толпа расступилась.
Не из уважения. Из страха, любопытства и того странного чувства, которое появляется у людей, когда они вдруг понимают: история, о которой будут шептаться завтра, происходит прямо перед ними.
Рейнар не пошел рядом.
Он шел позади.
На расстоянии.
Достаточном, чтобы не казаться хозяином. Достаточном, чтобы его люди прикрывали спину. Достаточном, чтобы Алиана не приказала ему убратся прямо на глазах у всего города.
И недостаточном, чтобы она забыла о его присутствии.
У дома Арсен первым взбежал на крыльцо и встал у двери. Мирон прижал к груди разбитую стеклянную птицу. Лея держалась за руку Алианы и молчала, хотя обычно после ярмарки говорила без остановки.
Алиана достала ключ.
Руки не дрожали.
Она гордилась этим больше, чем хотелось признавать.
— Алиана, — сказал Рейнар за ее спиной.
— Не сейчас.
— Я не уйду из города.
— Ваше право.
— Они придут за детьми.
Она вставила ключ в замок.
— Пусть сначала попробуют пройти через меня.
— И через меня.
Алиана закрыла глаза.
Вот так просто.
Пять лет назад она умоляла его сказать что-то подобное. Сейчас он

сказал сам, а ей хотелось ударить его этим запоздалым благородством по лицу.
Она обернулась.
— Нет, Рейнар. Вы не становитесь рядом со мной одним красивым словом. Не после Белого зала.
Он молчал.
— Вы хотите защитить детей? Хорошо. Начните с простого: не называйте их своими, пока они сами не решат, что вы имеете право.
Она открыла дверь.
Лея первая юркнула внутрь. Мирон за ней. Арсен задержался на пороге и посмотрел на Рейнара.
Долго.
Слишком взросло.
— Если вы заставите маму плакать, — сказал он тихо, — я вас подожгу.
Рейнар не улыбнулся.
Не рассердился.
Только опустил голову, принимая угрозу всерьез.
— Справедливо.
Арсен кивнул и вошел в дом.
Алиана уже хотела закрыть дверь, когда Рейнар произнес:
— Их имена не вписаны в родовую книгу.
Она застыла.
— Что?
— Я почувствовал на площади. Пламя крови ответило, но книга молчит.
Алиана медленно повернулась.
— Объясните.
— Если ребенок Моргрейва рождается живым, родовая книга должна знать его имя. Даже если отец мертв. Даже если мать изгнана. Даже если род отказывается признать.
— И?
Взгляд Рейнара стал темнее.
— Арсена, Мирона и Леи в книге нет.
Внутри дома Лея тихо спросила:
— Мам?
Алиана не ответила.
Она смотрела на Рейнара и чувствовала, как холод отступает перед другой, более страшной вещью.

Пониманием.
 Пять лет она думала, что детей просто лишили права на род.
 Но если родовая книга не видела их вообще...
 — Что это значит? — спросила она.
 Рейнар медленно произнес:
 — Их вычеркнули до рождения.
 Алиана сжала край двери так, что побелели пальцы.
 — Кто?
 — Тот, у кого был доступ к моей крови.
 Из кухни донесся звон. Мирон, кажется, уронил чашку.
 Лея заплакала.
 А Арсен вдруг сказал из темноты дома:
 — Значит, он придет снова.
 Никто не спросил, откуда мальчик знает.
 Потому что в этот момент на улице, далеко за крышами Лисса, ударил колокол городской заставы.
 Один раз.
 Второй.
 Третий.
 Сигнал прибытия драконьего отряда.
 Рейнар повернул голову к северной дороге.
 Алиана, не думая, втянула детей глубже в дом.
 На горизонте поднималось черное пламя Совета.
 За ними уже пришли.

Глава 3. Дракон на пороге

Колокол городской заставы бил долго.
 Не празднично, не тревожно даже — официально. Так в Лиссе встречали не пожар, не разбойников и не зимний разлив реки. Так город предупреждали: к воротам прибыли те, кому лучше не задавать лишних вопросов.
 Драконы люди.
 Алиана закрыла дверь на засов.
 Потом на второй.
 Потом достала из щели под полкой тонкую железную пластину с выцарапанными на ней знаками защиты и вложила в паз над косяком. Пластина нагрелась, коротко звякнула и потемнела.
 Слабая защита. Почти смешная, если за дверью действительно встанет родовой дракон.
 Но Алиане сейчас было нужно не чудо. Ей было нужно несколько минут.
 — В комнату, — сказала она детям.
 Лея всхлипнула:
 — Мам, я не хотела.
 — Я знаю. Иди.
 — Это из-за меня?
 Алиана резко обернулась и опустилась перед дочерью на колени.
 — Нет. Слышишь? Нет.
 Лея судорожно кивнула, но слезы уже катились по щекам.
 — Я испугалась. А огонь сам...
 — Лея, посмотри на меня.
 Девочка подняла глаза. Серебряные искры еще дрожали у нее в ресницах.
 — Ты не виновата в том, что родилась с силой. Виноваты те, кто решил, что имеет право этой силой распоряжаться.
 — Но если бы я не загорелась...
 —

Они все равно пришли бы, — сказал Мирон.
 Он стоял у стола, бледный, с разбитой стеклянной птицей в ладони. Острые осколки впились ему в кожу, но он, кажется, даже не замечал.
 — Мирон, руку.
 — Потом.
 — Сейчас.
 Он нехотя разжал пальцы. На ладони выступила кровь. Алиана быстро вынула осколки, обмотала порез чистой тряпицей и только тогда заметила, что сын смотрит не на нее, а на дверь.
 — Ты что-то слышишь?
 — Не ушами.
 Арсен сразу подошел ближе.
 — Что?
 Мирон поморщился.
 — Много голосов. Снаружи. Они не здесь еще, но едут. Стража боится. Посланник доволен. А лорд...
 Он запнулся.
 Алиана стиснула зубы.
 — Рейнар?
 — Он как будто злится так сильно, что вокруг него все врут тише.
 — Можно по-человечески? — спросил Арсен.
 Мирон бросил на брата раздраженный взгляд.
 — Я и так по-человечески. Просто вы оба слышите только звуки, а я слышу, когда слова кривые.
 — И его слова?
 — У него мало слов.
 — А ложь?
 Мирон помолчал.
 — Дырки.
 Алиана медленно выдохнула.
 Это слово он уже говорил на площади. Не ложь, не правда — дырки. Как будто Рейнар не обманывал напрямую, но внутри его ответа не хватало кусков.
 Очень удобно.
 Очень больно.
 Очень похоже на проклятую правду.
 На улице раздался шум. Сначала дальний — копыта на камне, голоса, скрип колес. Потом ближе. Соседская дверь хлопнула. Кто-то

быстро загнал детей в дом. Где-то вдова Берта громко сказала:
— Не на моей ступеньке, господа хорошие, у меня пироги остывают.
Алиана почти улыбнулась. Берта могла бы спорить и с королем, если бы тот встал между ней и печью.
Но улыбка тут же исчезла.
Перед домом остановились лошади.
Доски пола под ногами Леи тихо дрогнули. Или это сама девочка дрожала.
Арсен шагнул к окну.
— Назад, — сказала Алиана.
— Я только посмотрю.
— Нет.
— Мам...
— Я сказала нет.
Он остановился. Не потому что испугался. Потому что подчинился. И это было хуже любого спора: она слишком хорошо видела, как ему хочется встать у окна, принять удар на себя, защитить их всех своим маленьким огнем.
Пять лет.
Всего пять лет ребенку.
А он уже смотрел на дверь как мужчина, который готов умереть первым.
Алиана подошла к сундуку под рабочим столом, открыла его и достала папку в темной кожаной обложке. В ней были все документы, которые она собирала эти годы: ее старое свидетельство о браке, копия решения о расторжении, записи Марты о родах, детские метки рождения, счета лекарей, договор аренды дома, бумаги женщин, которым она помогала. Ниточка к ниточке, лист к листу — ее новая жизнь, доказанная чернилами, кровью и упрямством.
Она сунула папку в тайный отсек под половицей.
Мирон заметил.
— Это не поможет, если они будут искать магией.

— Поэтому они будут искать руками. Магам я сначала сломаю настроение.
 — Мам, это не юридический термин.
 — Зато рабочий.
 Стук в дверь прозвучал ровно.
 Не удар. Не требование. Просто три коротких стука.
 Алиана ненавидела, что сразу узнала манеру.
 Рейнар никогда не колотил в двери. Даже тогда, когда имел право войти. Даже в их спальню он входил после короткого стука, и это когда-то казалось ей признаком уважения. Теперь каждый такой звук бил по памяти, как молотком по стеклу.
 — Алиана.
 Его голос за дверью.
 Низкий, спокойный, но слишком напряженный для настоящего спокойствия.
 Лея вцепилась в юбку Алианы.
 — Не открывай.
 — Не открою.
 — Алиана, — повторил Рейнар. — Отряд Совета у заставы. У нас мало времени.
 У нас.
 От этого «у нас» у нее потемнело в глазах.
 Она подошла к двери, но засов не сняла.
 — Вы ошиблись дверью, лорд Моргрейв. У вас нет здесь никакого «нас».
 За дверью стало тихо.
 Потом он сказал:
 — Тогда у тебя мало времени.
 — Это уже ближе к правде.
 Мирон тихо хмыкнул.
 Алиана бросила на него взгляд. Сын пожал плечами:
 — Чище звучит.
 Рейнар услышал. Конечно, услышал.
 — Это Мирон?
 Алиана не ответила.
 — Я не прошу впустить меня как мужа.
 — Как хорошо, что вы помните свой статус.
 — Я прошу впустить меня как того, кто знает законы Совета.
 —

Пять лет назад вы тоже их знали.
 — Пять лет назад я позволил им говорить вместо себя.
 Она закрыла глаза.
 Нет.
 Так нельзя.
 Он не имел права приходить с правильными словами. Не имел права быть сдержанным, виноватым, не оправдывающимся. Ей было бы легче, если бы он начал приказывать. Тогда можно было бы распахнуть дверь и ударить его по лицу всем, что копилось пять лет.
 А так он стоял за порогом и говорил почти то, что должен был сказать тогда.
 Почти.
 Потому что в главном все равно опоздал.
 — Уходите, — сказала она.
 — Не могу.
 — Это ваш любимый ответ?
 Тишина.
 Потом:
 — Да.
 Слово вышло глухим.
 Лея подняла на мать глаза.
 — Мам, он грустный?
 — Это не наша забота.
 — Но он правда грустный.
 — Лея.
 Дочь замолчала и спрятала лицо в складках ее платья.
 Снаружи раздался другой голос — резкий, официальный:
 — Госпожа Алиана Морвель! Именем Совета родов откройте дверь для проверки незарегистрированных носителей драконьего дара!
 Арсен сразу встал перед матерью.
 Мирон прошептал:
 — Вот это ложь.
 — Что именно?
 — «Проверки». Он хочет сказать «изъятия», но так нельзя вслух.
 Алиана почувствовала, как внутри нее поднялась холодная волна.
 Изъятие.
 Вот и пришло настоящее слово.
 Не помощь. Не признание. Не безопасность.
 Изъятие.
 Она оглядела комнату.

Окно на задний двор — узкое. Дети пролезут. Она тоже, если снимет верхнюю юбку. За домом проход между сараем Берты и старой стеной, потом к оврагу, потом к мельнице. У мельника был долг перед ней за спасенный участок, но долг — слабая защита против Совета.
Чердак? Плохо. Если дом обыщут, найдут.
Подвал? Еще хуже. Мышеловка.
Бежать надо было вчера.
Как всегда.
Женщинам редко дают время собраться, когда за ними приходят законы, написанные не для них.
— Алиана, — снова сказал Рейнар. Теперь тише. — Я могу задержать их снаружи. Но если они войдут по предписанию, у тебя будет меньше прав, чем сейчас.
— У меня их и так немного.
— Сейчас ты в своем доме. Это важно.
— Для кого?
— Для закона.
Она почти рассмеялась.
— Неужели закон сегодня на моей стороне?
— Нет. Но его можно заставить споткнуться.
Мирон поднял брови.
— Это чисто.
Алиана медленно посмотрела на сына.
— Уверен?
— Да. Ему очень не нравится закон, но он знает, куда поставить ногу, чтобы тот упал.
Снаружи представитель Совета ударил в дверь уже кулаком.
Защитная пластина над косяком звякнула, но выдержала.
— Откройте немедленно! Соккрытие драконьих детей является преступлением против родовой безопасности!
Лея заплакала громче.
Арсен уже не просто стоял. Вокруг его пальцев появились

красные искры.
 Алиана присела перед ним, взяла за плечи.
 — Арсен. Смотри на меня.
 Он не сразу, но посмотрел.
 — Если ты зажжешь огонь, они скажут, что ты опасен.
 — Я и есть опасен.
 — Для тех, кто хочет навредить нам. Но сейчас мне нужен не огонь. Мне нужен мой сын.
 Его губы дрогнули.
 — Я не дам им забрать Лею.
 — И я не дам. Но мы будем умнее.
 — Они сильнее.
 — Значит, будем еще умнее.
 Мирон сухо добавил:
 — И противнее.
 Лея всхлипнула:
 — Я умею противнее?
 — Ты умеешь громко плакать, — сказал Мирон. — Это почти то же самое.
 — Я не хочу.
 — Я тоже не хочу, но никто не спрашивает наше расписание.
 Алиана поднялась.
 Решение далось странно легко. Может быть, потому что выбора не было. Или потому что за пять лет она привыкла открывать дверь тем, кто сильнее, с таким видом, будто это она позволила им прийти.
 Она сняла первый засов.
 Потом второй.
 Потом вынула защитную пластину.
 — Дети, за мной. Ни слова без моего разрешения.
 — А если они будут лгать? — спросил Мирон.
 — Особенно тогда.
 Она открыла дверь.
 Рейнар стоял на крыльце.
 Ближе, чем она ожидала.
 Пять лет изменили его сильнее, чем показалось на площади. Раньше его красота была почти наглой: темные волосы, четкие черты, холодная уверенность мужчины, которому с рождения объяснили, что мир уступит

дорогу. Теперь лицо стало жестче. В уголках глаз легли тонкие тени. На правой скуле — едва заметный шрам, которого раньше не было. На шее, под воротом, темнел след клятвенной цепи.
 Но хуже всего были глаза.
 Он смотрел на нее так, будто боялся, что она исчезнет, если моргнуть.
 Алиана не позволила себе смягчиться.
 За ним стояли трое людей Совета и двое городских стражников. Чуть дальше — всадники Моргрейвов. Их руки лежали на оружии, но лица были напряженными: они явно не понимали, кого сегодня охраняют от кого.
 Представитель Совета, плотный мужчина с рыжей бородой и значком старшего дознавателя на груди, шагнул вперед.
 — Госпожа Алиана Морвель?
 — Да.
 — Вы обязаны передать несовершеннолетних носителей драконьего дара для первичной проверки происхождения, степени угрозы и законности нахождения вне родового надзора.
 Алиана сложила руки на груди.
 — И вам доброе утро.
 Он нахмурился.
 — Вы понимаете серьезность положения?
 — Прекрасно. К моему дому пришли вооруженные мужчины и требуют отдать им моих детей, прикрываясь словами, которые звучат менее отвратительно, чем суть происходящего.
 У дознавателя дернулась щека.
 Рейнар не улыбнулся, но в его глазах что-то мелькнуло.
 — Совет действует ради безопасности детей, — сказал дознаватель.
 Мирон тихо фыркнул.
 Алиана наступила ему на носок.

Сын зашипел, но промолчал.
 — На основании какого документа? — спросила она.
 Дознаватель, кажется, не ожидал вопроса.
 — Что?
 — На основании какого документа вы требуете передать детей?
 — Предписание Совета.
 — Покажите.
 Он достал свернутый лист с черной печатью.
 Алиана протянула руку.
 — Я ознакомлюсь.
 — Документ служебный.
 — А дети мои.
 Рыжебородый покраснел.
 — Вы не имеете полномочий задерживать исполнение предписания.
 — Зато имею глаза, умею читать и пока не признана недееспособной. Хотя, признаю, Совет старается.
 Один из стражников кашлянул, пряча смехок.
 Дознаватель резко посмотрел на него, потом сунул лист Алиане.
 Она развернула предписание.
 Пробежала глазами первые строки.
 Все как обычно. Пышные формулы. Много «во имя безопасности», «временный надзор», «до выяснения». Любимые слова тех, кто никогда не возвращает добровольно то, что взял «временно».
 — Любопытно, — сказала она.
 — Что именно?
 — В предписании указано: один ребенок женского пола, приблизительно пяти лет, носитель серебряного пламени.
 Рейнар напрягся.
 Дознаватель сказал:
 — Это первичная информация.
 — А детей у меня трое.
 — Остальные также подлежат проверке.
 — В предписании они не указаны.
 — Они были выявлены дополнительно.
 — Кем?
 — Представителем Совета.
 — Тем самым,

который на площади не успел завершить сообщение?

 Дознаватель прищурился.
 — Вы препятствовали передаче сведений?
 — Я препятствовала клевете.
 — Госпожа Морвель...
 — Нет, это важно. В предписании один ребенок. Без имени. Без описания матери. Без точного адреса. Без подтверждения дара. И вы пришли изымать троих?
 — Не изымать.
 Мирон не выдержал:
 — Ложь.
 Тишина упала резко.
 Дознаватель медленно перевел взгляд на мальчика.
 Мирон стоял за плечом Алианы, бледный, но упрямый. На повязке его ладони проступила красная точка.
 — Что ты сказал?
 — Вы сказали «не изымать», но собираетесь увезти нас без мамы. Это изымать.
 Арсен выступил вперед и встал рядом с братом. Лея спряталась за Алиану, но выглянула.
 Рейнар впервые увидел всех троих рядом.
 По-настоящему.
 Не на площади, где был шум, страх и толпа. Здесь, на узком крыльце, под низким серым небом, они стояли почти плечом к плечу: трое маленьких детей с его кровью и ее глазами, с разными лицами и одной общей привычкой — держаться так, будто мир уже не раз пытался их отнять.
 Арсен — прямой, темноволосый, с огнем под кожей.
 Мирон — тонкий, острый, слышащий ложь раньше, чем взрослые успевают ее красиво оформить.
 Лея — светлая, испуганная, с серебряной искрой у виска.
 Трое.
 Рейнар будто перестал дышать.
 Алиана

заметила и ненавистно обрадовалась.
Смотри.
Смотри хорошо.
Смотри на все, от чего отказался, пока я училась держать их на руках по очереди, потому что сразу троих не могла поднять после родов. Смотри на Арсена, который не плакал даже с жаром под сорок, потому что боялся напугать брата и сестру. Смотри на Мирона, который в три года спросил, почему у всех детей есть отцы, а у них только пустое место в вопросах. Смотри на Лею, которая до сих пор спит у двери, потому что боится, что ночью кто-то придет и заберет меня.
Смотри, дракон.
Это не легенда о потерянных наследниках.
Это мои дети.
— Их имена, — тихо сказал Рейнар.
Алиана повернула к нему голову.
— Что?
— Скажи мне их имена.
— Вы слышали на площади.
— Я хочу... — Он запнулся. Впервые за все время потерял фразу. — Я прошу.
Дознаватель вмешался:
— Лорд Моргрейв, имена будут зафиксированы после проверки.
Рейнар даже не посмотрел на него.
— Молчать.
Одно слово.
Не громкое.
Но дознаватель побелел и захлопнул рот.
Алиана медленно вдохнула.
Вот он. Рейнар Моргрейв. Глава рода. Северный дракон. Мужчина, которому достаточно одного слова, чтобы чиновник Совета вспомнил о страхе.
Где же было это слово пять лет назад?
Вопрос, кажется, прозвучал у нее на лице, потому что Рейнар опустил взгляд.
— Их зовут Арсен, Мирон и Лея, — сказала она.
Каждое

имя — как печать.
 Как защита.
 Как удар.
 Рейнар повторил беззвучно. Арсен. Мирон. Лея.
 Лея внезапно спросила:
 — Вы наш отец?
 Алиана резко повернулась к ней.
 — Лея...
 Но было поздно.
 Девочка смотрела прямо на Рейнара. Не с надеждой. С испугом и тем страшным детским любопытством, от которого взрослым некуда прятаться.
 Рейнар опустил на одно колено.
 Медленно. Не приближаясь.
 — По крови — да.
 Лея нахмурилась.
 — А по-другому?
 Он застыл.
 Мирон тихо сказал:
 — Хороший вопрос.
 Арсен добавил:
 — У нас не было отца по-другому.
 Рейнар закрыл глаза на мгновение.
 Когда открыл, в них уже не было холода. Только боль и осторожность.
 — Я не имею права требовать, чтобы вы называли меня отцом.
 — И забирать нас не имеете, — сказал Арсен.
 — Не имею.
 Дознаватель дернулся:
 — Лорд Моргрейв!
 Рейнар поднялся.
 — Эти дети не будут переданы Совету без матери.
 — Это нарушение процедуры.
 — Тогда меняйте процедуру.
 — Совет не позволит...
 — Совет пять лет назад уже позволил достаточно.
 В воздухе что-то дрогнуло.
 Не пламя.
 Память.
 Лея тихо ахнула.
 Алиана почувствовала тепло у своего бедра и резко посмотрела вниз. Из-под пальцев дочери, вцепившихся в складки ее юбки, сочился серебряный свет.
 — Лея, нет.
 — Я не делаю, — прошептала

девочка. — Оно само.
 Свет поднялся тонкой струйкой. Завился в воздухе между Рейнаром и Алианой.
 Дознаватель отступил.
 — Зафиксировать проявление дара!
 Но никто не успел.
 Серебряное пламя развернулось, как тонкая ткань на ветру, и показало картину.
 Белый зал.
 Мрамор.
 Алиана на коленях после снятия печати.
 Рейнар за железом сломанной клятвы, рвущийся вперед. На его груди черная цепь. Его рот открыт в крике, но звук не проходит. Рядом Карр поднимает руку, и цепь впивается глубже.
 Картина длилась всего миг.
 Потом пламя погасло.
 Лея испуганно заплакала.
 — Я не хотела!
 Алиана подняла ее на руки.
 — Тихо. Все хорошо.
 Но хорошо не было.
 Потому что теперь это видели все.
 Рейнар стоял бледный, как смерть.
 Дознаватель смотрел на него с ужасом.
 Арсен медленно повернул голову к матери:
 — Это правда?
 Алиана не ответила.
 Она сама не знала.
 Не полностью.
 Да, она видела цепь тогда. Видела боль. Видела, как он пытался шагнуть. Но память Леи показала то, чего Алиана не могла видеть со своего места: Карра. Черную клятву. Рейнара, которому не просто не дали говорить — его связали.
 И все же...
 И все же.
 Клятва не подписывала его сердце за него.
 Он поверил им раньше, чем его связали.
 Он позволил довести дело до зала.
 Он не пришел к ней до суда.
 Он не выбрал ее, когда еще мог.
 Серебряное

пламя могло показать кусок правды, но не отменить пять лет ее жизни.
 Рейнар сделал шаг.
 — Алиана...
 Она подняла руку.
 — Не сейчас.
 — Ты видела.
 — Я видела один миг. А прожила пять лет.
 Он остановился, словно получил удар.
 — Да.
 Снова это проклятое «да» без защиты.
 Дознаватель, придя в себя, схватил предписание.
 — Проявление серебряного пламени памяти подтверждено. Дети должны быть доставлены в столицу немедленно. Особенно девочка. Такой дар без контроля представляет угрозу для...
 Арсен двинулся так быстро, что Алиана едва успела схватить его за плечо.
 — Она не угроза!
 Вокруг его кулаков вспыхнул огонь.
 Не тонкий, как на площади.
 Настоящий.
 Красный, плотный, горячий.
 Доски крыльца задымались.
 — Арсен! — резко сказала Алиана.
 Он дрожал от ярости.
 — Они все время так говорят! Про Лею! Про Мирона! Про меня! Мы не угроза!
 Рейнар побледнел, но не от страха.
 От узнавания.
 Потому что огонь Арсена поднялся и принял форму щита.
 Неровного, детского, но древнего по самой сути. Не атакующего. Защищающего.
 Огненный щит Моргрейвов.
 Дар главы рода.
 У пятилетнего мальчика.
 Дознаватель прошептал:
 — Невозможно.
 Мирон вдруг рассмеялся.
 Зло, коротко.
 — Вам всем сегодня часто будет это казаться.
 Алиана прижала Лею одной рукой, второй

удерживая Арсена.
 — Сын, посмотри на меня.
 — Они ее заберут.
 — Нет.
 — Они говорят...
 — Пусть говорят.
 — Я сожгу их.
 — Ты защитишь сестру иначе.
 — Как?
 — Останешься рядом. И не дашь им назвать тебя опасным.
 Огонь дрогнул.
 Арсен смотрел на нее, и в его глазах была такая мука, что Алиане захотелось спрятать всех троих под собственную кожу, только бы никто больше не прикасался к ним словами.
 — Я не хочу быть плохим, — прошептал он.
 — Ты не плохой. Ты мой.
 Этого оказалось достаточно.
 Огонь погас не сразу, но стал меньше. Свернулся в тонкую красную нить и исчез под кожей его ладони.
 Рейнар смотрел на него так, будто перед ним не ребенок, а живое чудо и приговор одновременно.
 — У него мой родовой дар, — сказал он.
 Алиана обернулась.
 — Ваш?
 Он сразу понял ошибку.
 — Не в смысле права. В смысле крови.
 — Осторожнее со словами, лорд Моргрейв. У нас в доме дети слушают внимательно.
 Мирон поднял забинтованную руку:
 — Особенно я.
 Рейнар кивнул. Совершенно серьезно.
 — Я буду осторожен.
 Дознаватель уже справился со страхом и теперь торопливо писал что-то на обратной стороне предписания.
 — Три дара подтверждены. Огненный щит, вероятный дар истины, серебряное пламя памяти. Дети подлежат немедленному...
 Рейнар вырвал у него

лист.
 Просто взял и разорвал пополам.
 Алиана даже моргнуть не успела.
 Дознаватель открыл рот.
 — Вы не можете уничтожать предписание Совета!
 — Уже уничтожил.
 — Это прямое нарушение!
 — Напишите новое.
 — Напишу!
 — Пишите точно, — сказал Рейнар холодно. — Укажите, что у детей обнаружены родовые дары Моргрейвов. Укажите, что мать не отказалась от них, не скрывала с целью вреда, а защищала после незаконного лишения родовой помощи. Укажите, что прежнее решение Совета о расторжении брака и отречении от наследника подлежит пересмотру. И обязательно укажите, что я, Рейнар Моргрейв, глава рода, запрещаю приближаться к детям без присутствия их матери.
 Дознаватель смотрел на него с открытым ужасом.
 — Совет сочтет это вызовом.
 — Наконец-то.
 Алиана замерла.
 В этих словах не было вспышки. Не было красивой позы. Только сухая, почти мрачная готовность.
 Он действительно собирался идти против Совета.
 Ради детей.
 Нет, одернула она себя.
 Пока — из-за детей. Это не одно и то же.
 — Красиво, — сказала Алиана.
 Рейнар повернулся к ней.
 — Что?
 — Очень красиво. Почти как пять лет назад было бы нужно.
 Он принял и это.
 Только глаза стали темнее.
 — Я заслужил каждое твое слово.
 — Не каждое. Я многое еще не сказала.
 Мирон пробормотал:
 — Вот это чистейшая правда.

Лея икнула сквозь слезы.
 Алиана поцеловала ее в висок.
 — Довольно. Дети в дом.
 — Но... — начал Арсен.
 — В дом, Арсен.
 На этот раз он послушался не сразу. Сначала посмотрел на Рейнара. Долго, испытующе.
 — Вы не войдете.
 Рейнар опустил голову.
 — Без разрешения вашей матери — нет.
 — И не заберете Лею.
 — Нет.
 — И Мирона.
 — Нет.
 — И меня.
 Голос Арсена стал тише.
 Рейнар ответил не сразу.
 — И тебя.
 Мальчик кивнул, будто подписал временное перемирие, и ушел в дом.
 Мирон задержался.
 — Вы звучите странно.
 — Мирон, — устало сказала Алиана.
 — Я быстро.
 Он смотрел на Рейнара с настоящим интересом, уже не только злым.
 — Когда вы говорите «нет», оно чистое. А когда «не знал» — дырка. Почему?
 Рейнар медленно вдохнул.
 — Потому что я не знал о вас. Но должен был узнать. Должен был искать правду до того, как подписал хоть один документ.
 Мирон прислушался к чему-то внутри себя.
 Потом сказал:
 — Лучше.
 И ушел.
 Лея осталась на руках у Алианы. Она выглянула из-за материнского плеча.
 — А вы правда дракон?
 Рейнар будто боялся спугнуть ее голос.
 — Да.
 — Большой?
 — Достаточно.
 — А вы злой?
 Алиана почувствовала, как напряглась его рука.
 — Был, — сказал он наконец. — Не так, как надо.
 Лея нахмурилась.
 — Это непонятно.
 — Я знаю.

— Мирон потом проверит.
 — Пусть проверит.
 Дочь немного подумала.
 — Я пока не буду вас бояться полностью.
 У Рейнара дрогнули губы. Не улыбка. Что-то большее.
 — Спасибо.
 — Но чуть-чуть буду.
 — Справедливо.
 Лея спряталась обратно.
 Алиана вошла в дом и передала ее Арсену, который стоял прямо у порога. Сын осторожно взял сестру за руку.
 — На кухню. Все трое.
 — Мам...
 — Арсен.
 Он ушел.
 Алиана закрыла за ними внутреннюю дверь и осталась на пороге лицом к Рейнару и людям Совета.
 — Теперь слушайте меня внимательно, — сказала она. — Мои дети никуда сегодня не едут.
 Дознаватель зло прищурился.
 — Это решит Совет.
 — Нет. Сегодня это решаю я. Вы сами принесли документ на одного ребенка, составленный по неполным сведениям, без имен, без подтверждения личности матери и без решения о сопровождении. Вы хотели воспользоваться внезапностью. Не вышло.
 — Вы не юрист Совета.
 — К счастью для Совета. Я бы там половину уволила.
 Рейнар тихо сказал:
 — Алиана.
 — Что?
 — В столице у них больше власти.
 — А здесь у меня больше времени.
 — Немного.
 — Значит, потрачу его с пользой.
 Она посмотрела на дознавателя.
 — Вы вернетесь к городскому старосте и составите протокол обнаружения дара при свидетелях. Укажете, что дети находятся в доме матери, не совершали нападения, не причинили вреда, а проявление

силы произошло после действий представителя Совета, который напугал несовершеннолетнюю. Я подам встречное заявление о превышении полномочий.
 Дознаватель побагровел.
 — На Совет?
 — На конкретного болвана в сером плаще. Не льстите себе, до всего Совета я еще доберусь.
 Один из всадников Моргрейва отвернулся, пряча улыбку.
 Рейнар смотрел на Алиану почти странно. Не так, как смотрят на бывшую жену. Не так, как на женщину, которую хотят вернуть. Скорее как на человека, которого заново узнают и понимают: раньше видел меньше, чем надо.
 Поздно, дракон.
 Очень поздно.
 — Вы пожалеете, — сказал дознаватель.
 — У меня трое детей, дырявая крыша и бывший муж-дракон на крыльце. Вставайте в очередь.
 Слева кто-то прыснул.
 Дознаватель резко развернулся:
 — Молчать!
 — Не на моей улице, — раздался голос вдовы Берты.
 Алиана повернула голову.
 Соседка стояла у своего крыльца, держа в руках противень с пирогами, как боевое знамя. За ее спиной уже собрались женщины: прачка Нелла, мельничиха Сора, жена того самого стражника, девчонка-портниха Иви, которой Алиана месяц назад помогла вернуть оплату за работу.
 Не войско.
 Не маги.
 Не род.
 Просто женщины Лисса.
 Берта прищурилась на дознавателя.
 — Я видела, как девочку напугали на площади. Маленькая стояла тихо, пока ваш серый хорек не полез к семье.
 — Это

дело Совета, — процедил дознаватель.
 — А площадь наша, — сказала Нелла. — И дети наши. Лисские.
 У Алианы защищало глаза.
 Она не плакала.
 Нет.
 Просто ветер был холодный.
 Рейнар молча смотрел на женщин. Кажется, он тоже понял: пять лет Алиана была не спрятана в пустоте. Она выстроила вокруг себя жизнь. Не роскошную, не безопасную, но настоящую.
 И в этой жизни он был чужим.
 Дознаватель понял другое: если забрать детей сейчас, при свидетелях, город заговорит. А когда маленькие города начинают говорить, слухи доходят до столицы быстрее официальных донесений.
 — У вас сутки, — сказал он Алиане. — Завтра к полудню дети должны быть представлены в столице для проверки родового пламени.
 — С письменным вызовом, — сказала Алиана.
 — Будет.
 — С указанием, что мать имеет право присутствовать.
 — Это решает Совет.
 Рейнар шагнул вперед.
 — Это решаю я.
 Дознаватель сжал зубы.
 — С указанием присутствия матери, — выдавил он.
 — И с указанием, что любые попытки разделить детей до решения проверки будут считаться угрозой их безопасности, — добавила Алиана.
 — Вы слишком много требуете.
 — Это только разминка.
 Рыжебородый несколько секунд смотрел на нее, потом развернулся и пошел к лошадям.
 Люди Совета двинулись за ним.
 Рейнар остался.
 Алиана закрывать дверь не стала. Пока.
 Он стоял на

нижней ступеньке, то есть ниже нее. Она заметила это и поняла, что он сделал так намеренно.
 Не помогает, подумала она.
 Но заметила.
 — Завтра ты поедешь в столицу, — сказал он.
 — Я сама решу.
 — Если не поедешь, они вернутся с силой.
 — Если поеду, они попытаются забрать детей законно.
 — Да.
 — Прекрасный выбор.
 — Я могу обеспечить охрану.
 — Вашу?
 — Да.
 — А если я не хочу, чтобы мои дети ехали под гербом рода, который от них отказался?
 Рейнар опустил взгляд.
 — Тогда они поедут под твоим именем. А мои люди будут держаться на расстоянии.
 — Щедро.
 — Нет. Поздно.
 Она устала.
 Внезапно, резко. Так, будто все утро держалась на злости, а теперь злость не исчезла, но тело напомнило: оно не железное.
 За внутренней дверью слышались детские голоса.
 — Лея, не трогай чайник.
 — Я не трогаю.
 — Ты смотришь так, будто собираешься.
 — Я просто грущу.
 — Грусти подальше от кипятка.
 Алиана закрыла глаза на секунду.
 Ее дети были живы. Дома. Рядом.
 Остальное потом.
 — Уходите, Рейнар.
 Он посмотрел на нее.
 — Я поставлю людей у улицы.
 — Нет.
 — Не у дома. У улицы. Так, чтобы дети не видели.
 Она хотела отказать.
 Очень хотела.
 Но в северной стороне уже глухо шумели лошади Совета, а завтрашний день подступал слишком быстро.
 — Не ближе конца переулка, — сказала

она.
 — Хорошо.
 — И если хоть один ваш человек напугает моих детей...
 — Он ответит передо мной.
 — Передо мной, — поправила Алиана.
 Рейнар медленно кивнул.
 — Перед тобой.
 Она взялась за дверь.
 Он вдруг сказал:
 — Арсен похож на тебя.
 Алиана застыла.
 — Нет. Внешне он Моргрейв до последней ресницы.
 — Я не о внешности.
 Она не ответила.
 Рейнар продолжил тише:
 — Он стоит перед теми, кого любит, даже когда боится.
 Боль пришла неожиданно.
 Не острая. Глубокая.
 Потому что это было правдой. И потому что когда-то она любила в Рейнаре именно это: способность закрыть собой. Только потом оказалось, что закрыть собой он может род, земли, честь, имя — кого угодно, кроме нее в нужный момент.
 — Он научился этому не у вас, — сказала она.
 — Знаю.
 Дверь закрылась между ними.
 Алиана прислонилась к ней спиной и только теперь позволила себе дрожать.
 Совсем немного.
 Так, чтобы дети не увидели.
 Не вышло.
 Внутренняя дверь скрипнула.
 На пороге стояли все трое.
 Лея держала в руках чашку, слишком большую для нее. Мирон — мокрую тряпку. Арсен — маленький кухонный нож, который он явно собирался спрятать за спиной, но передумал.
 — Мам, — сказала Лея, — мы теперь поедем к драконам?
 Алиана опустила на колени.
 — Мы поедем туда, где попробуют решить за нас.
 —

А мы? — спросил Арсен.
— А мы не позволим.
Мирон поднял забинтованную ладонь.
— Я буду слушать ложь.
— Будешь. Но молча, пока я не скажу.
Он поморщился.
— Это жестоко.
— Это жизнь.
Лея подошла ближе и обняла Алиану за шею.
— А если пламя опять само?
— Тогда я буду рядом.
— А он?
Алиана не спросила, кто. И так знала.
— Он будет снаружи.
— Почему не внутри?
Арсен резко сказал:
— Потому что он чужой.
Лея прижалась к матери.
— Но он смотрел как не чужой.
Тишина стала тяжелой.
Алиана погладила дочь по волосам.
— Иногда люди смотрят правильно слишком поздно.
Мирон тихо произнес:
— А поздно — это когда уже совсем нельзя?
Алиана не сразу нашла ответ.
— Поздно — это когда прежнего уже не вернуть.
— А новое?
Она посмотрела на дверь, за которой на улице стоял Рейнар Моргрейв. Бывший муж. Дракон. Отец по крови. Мужчина с дырками в правде и болью в глазах.
— Новое сначала надо заслужить,
— сказала она.
В этот момент под половицами что-то глухо стукнуло.
Раз.
Другой.
Третий.
Алиана поднялась.
— Что это?
Арсен уже смотрел вниз.
— Не знаю.
Мирон побледнел.
— Там кто-то говорит.
— Где?
— Под домом.
Дом у них не имел подвала.
По крайней мере, Алиана была в этом уверена пять лет.
Доски у рабочего

стола снова дрогнули. Тайный отсек, куда она спрятала папку с документами, сам собой приподнялся. Из щели потянуло холодом и старой золой.
 Лея всхлипнула:
 — Мам, там огонь.
 Алиана подошла медленно.
 Под половицей светилась тонкая красная линия, складываясь в знак, которого она никогда не видела, но память Алианы Морвель узнала сразу.
 Родовое пламя.
 Только не Моргрейвов.
 Древнее.
 Первое.
 На доске проступили слова, выжженные изнутри:
 «Трое без имени найдены. Проверка началась».
 А под ними — свежая строка, появившаяся уже на глазах:
 «Мать не вписана в право защиты».
 Алиана смотрела на горящие буквы и чувствовала, как весь дом становится слишком маленьким для надвигающейся беды.
 Потом доски вспыхнули серебром, и голос, старый, сухой, нечеловеческий, произнес из-под пола:
 — Явиться к родовому пламени до заката. В случае отказа дети будут признаны свободными от материнской опеки.
 Лея закричала.
 Арсен вспыхнул огнем.
 Мирон прошептал:
 — Это не ложь.
 Алиана медленно выпрямилась.
 Вот теперь все стало ясно.
 Совет не собирался ждать до завтра. Рейнар не успеет их защитить снаружи. Закон уже проник в дом.
 Она взяла детей за руки.
 И впервые за пять лет по-настоящему испугалась не того, что их найдут.
 А того, что их могут забрать правильно. По закону. Под печатью. С красивыми словами

о родовом пламени.
 За дверью резко ударили.
 — Алиана! — крикнул Рейнар. — Что произошло?
 Она посмотрела на горящие буквы.
 Потом на детей.
 И ответила так тихо, что слышали только они:
 — Нас вызывают на проверку. Сегодня.

Глава 4. Я не отдам тебе детей

Рейнар ударил в дверь снова.
 Не кулаком. Пламенем.
 Защитная пластина над косяком взывала тонко, будто живое существо, и погасла. Дерево не загорелось, но по нему пробежали темные прожилки, как по обожженной коже.
 — Алиана!
 Лея прижалась к матери так сильно, что у Алианы заболели ребра.
 Арсен стоял перед горящими буквами на полу. Огонь уже обвинил его пальцы, тонкий, злой, слишком яркий для пятилетнего ребенка. Мирон смотрел на выжженную строку и был бледнее стены.
 «Мать не вписана в право защиты».
 Эти слова горели ровно. Без дрожи. Без сомнения.
 Закон.
 Самое страшное слово, когда его произносит тот, кто сильнее.
 — Мам, — прошептала Лея. — Они меня заберут?
 Алиана опустила ладонь ей на затылок и заставила себя говорить спокойно.
 — Нет.
 — Но там написано...
 — Там написано то, что хотят они. Не то, что будет.
 Мирон медленно повернулся к ней.
 — Это не ложь.
 — Я знаю.
 — Нет, мам. Ты не поняла. Голос не лгал. Если мы не пойдем, они правда смогут сказать, что ты не имеешь права нас защищать.
 — Сказать смогут многое.
 — Не сказать. Сделать.
 На последнем слове его голос сорвался.
 Арсен дернулся к двери:
 — Тогда я сожгу этот пол.
 — Нет.

— Сожгу!
 — Арсен!
 Он застыл, но огонь не погас.
 За дверью снова раздался удар. На этот раз засов треснул. Рейнар сдерживался, Алиана это понимала. Если бы не сдерживался, двери уже не было бы.
 — Алиана, открой! — его голос стал ниже. Опаснее. — Я чувствую древнее пламя.
 Алиана закрыла глаза на одно короткое мгновение.
 Вот и новая прекрасная подробность.
 Древнее пламя. Первое. То самое, о котором Рейнар говорил вполголоса, а Совет, видимо, мечтал наложить лапы обеими руками.
 Она отпустила Лею, подошла к двери и сняла остатки засова.
 Рейнар вошел сразу.
 Не ворвался. Вошел. Но так, что комната стала меньше.
 За его спиной мелькнули двое воинов Моргрейвов. Они остались на крыльце, как и было велено. Рейнар сделал один шаг внутрь — и замер, увидев детей.
 Арсен мгновенно развернулся к нему, выставив руку. Между ними вспыхнула узкая огненная полоса.
 — Не подходите.
 Рейнар остановился.
 — Не подойду.
 — Вообще.
 — Хорошо.
 Он сказал это без раздражения. И именно это, кажется, сбило Арсена больше всего.
 Рейнар перевел взгляд на пол.
 Горящие буквы отразились у него в глазах.
 Лицо стало жестким.
 — Кто вызвал?
 — Пол, — сказал Мирон.
 Алиана покосилась на сына.
 — Очень полезное уточнение.
 — Ну а что? Мы не знаем кто.
 Рейнар медленно опустился на одно колено возле выжженных строк, но не коснулся

их.
 — Это не Совет.
 Алиана резко посмотрела на него.
 — Что?
 — Не напрямую. Совет может обратиться к родовому пламени, но такие слова пишет не канцелярия. Это отклик древней книги.
 — Прекрасно. Теперь против меня еще и мебель с историей.
 — Не мебель, — машинально сказал Рейнар.
 — Мне сейчас правда не до точности терминов.
 Он принял резкость молча.
 Потом поднял голову.
 — Это хуже, чем я думал.
 — Какая неожиданность. А я почти решила, что день налаживается.
 Мирон тихо сказал:
 — Сарказм чистый.
 — Мирон.
 — Я просто помогаю.
 Рейнар посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло почти невольное тепло. Осторожное. Испуганное. Такое, от которого Алиане захотелось заслонить сына.
 Не смей привыкать к ним взглядом.
 Не смей любить их так быстро, будто не было пяти лет.
 — Объясните, — сказала она.
 Рейнар поднялся.
 — У каждого драконьего рода есть книга огня. Она признает кровь, имена, права наследования и защиту. У великих родов эти книги связаны с Первым пламенем — древним законом до Совета, до королевских печатей, до нынешних родовых договоров.
 — То есть старый закон сильнее нового?
 — Иногда.
 — Как удобно для тех, кто его толкует.
 — Да.
 Снова это тяжелое «да». Без защиты.
 Алиана сжала пальцы.
 — Что значит «мать не вписана в право защиты»?
 Рейнар молчал

слишком долго.
 — Говорите, — сказала она.
 — Если дети признаны носителями древней крови, их защитником по умолчанию становится род отца.
 Комната будто качнулась.
 Лея тихо пискнула.
 Арсен шагнул к матери.
 Мирон произнес:
 — Вот это уже мерзость, но не ложь.
 Алиана смотрела на Рейнара.
 — По умолчанию.
 — Да.
 — То есть я их родила, кормила, прятала, лечила, держала на руках, когда они горели от жара, а какая-то древняя книга считает, что защищать их должны те, кто пять лет назад лишил их имени?
 — Считает не книга.
 — Неважно.
 — Важно. Книгу можно обойти. Людей — сложнее.
 — Тогда начните с людей. Кто вписал эту строку?
 Рейнар посмотрел на выжженные буквы.
 — Тот, кто заранее вычеркнул детей из моей родовой книги, мог оставить привязку к Первому пламени. Когда Лея проявила серебряный огонь, привязка проснулась.
 — Карр?
 — Скорее всего.
 — Скорее всего?
 — Алиана...
 — Нет. Не надо этого тона. Мне не нужны ваши осторожные догадки. Мне нужны ответы.
 — У меня нет всех ответов.
 — А у меня нет лишних детей, чтобы проверять ваши предположения.
 Он вздрогнул.
 Арсен сказал тихо:
 — Мама.
 В этом «мама» было не предупреждение. Просьба. Он услышал, как в ее голосе ломается что-то опасное.
 Алиана вдохнула.
 Раз.
 Еще раз.
 Руки дрожали,

но она сжала их так сильно, что ногти впились в ладони.
— Хорошо. Что будет, если мы явимся?
— Проверка родового пламени. Пламя определит, есть ли у детей кровь Моргрейвов.
— Она есть.
— Да.
— Тогда что проверять?
— Почему их имена не вписаны. Кто выжег их из книги. И кому сейчас принадлежит право защиты.
— Принадлежит?
Слово вышло таким холодным, что Лея всхлипнула.
Рейнар сразу поправился:
— Кто имеет право отвечать за них по закону.
— Я.
— По человеческому — да.
— По всякому.
— Я хочу, чтобы было так.
Алиана засмеялась. Один раз. Коротко.
— Какое счастье. Лорд Моргрейв хочет, чтобы мать имела право на собственных детей.
— Не бей словами туда, где я и так знаю, что виноват.
— Нет, Рейнар. Вы знаете, что виноваты, когда я напоминаю. Это разные вещи.
Он посмотрел прямо на нее.
— Я помню каждое утро.
Тишина стала плотной.
Даже дети замолчали.
Алиана почувствовала, как что-то внутри дрогнуло — не доверие, нет. Просто старая боль узнала чужую и на миг перестала рычать.
Она ненавидела это.
— Не делайте из своей вины плату за разговор, — сказала она тише. — Мне нечем вам сочувствовать.
— Я не прошу.
— А что просите?
Рейнар посмотрел на детей.
Арсен тут же напрягся. Мирон прищурился. Лея спряталась за Алиану, но одним глазом все равно смотрела.
—

Позволь мне поехать с вами.
 — Нет.
 — Тогда рядом.
 — Нет.
 — За вами.
 — Рейнар.
 — Я не буду приближаться к детям без твоего разрешения. Не буду говорить от их имени. Не буду называть их своими перед Советом, если ты запретишь.
 — Они не вещь, чтобы я запрещала вам слова собственности.
 — Я понимаю.
 — Не уверена.
 — Я учусь понимать.
 Арсен фыркнул. Совсем как взрослый.
 Рейнар перевел взгляд на него.
 — Ты хотел что-то сказать?
 — Хотел.
 — Арсен, — предупреждающе сказала Алиана.
 — Нет, пусть, — сказал Рейнар. — Он имеет право.
 Арсен вышел вперед. Маленький, тонкий, с пятном сажии на рукаве и взглядом, от которого некоторые взрослые отступили бы быстрее, чем от огня.
 — Если вы знали, что Совет плохой, почему отдали нас им тогда?
 Рейнар побледнел.
 Вопрос попал туда, куда должен был.
 — Я не знал о вас.
 — О маме знали.
 Лея замерла.
 Мирон перестал теребить повязку.
 Алиана закрыла глаза.
 Вот оно.
 Вопрос, который она сама задавала себе пять лет. С разными словами, в разные ночи, при разном детском плаче.
 Если ты не знал о детях — хорошо.
 Но обо мне ты знал.
 Рейнар не отвел взгляда от сына.
 — Знал.
 — И отдали.
 — Да.
 — Почему?
 Рейнар вдохнул так, будто воздух вдруг стал стеклом.
 — Потому что поверил доказательствам, которые должен был разорвать и проверить

сам.
 — Значит, вы глупый?
 Мирон хмыкнул.
 Лея шепнула:
 — Арсен...
 Рейнар ответил:
 — В тот день — да.
 Арсен прищурился.
 — И слабый?
 Пауза.
 — Да.
 Алиана не хотела смотреть на Рейнара.
 Смотрела.
 Потому что не каждый мужчина, тем более дракон и глава рода, скажет это пятилетнему мальчику. Без злости. Без «как ты смеешь». Без попытки стать выше.
 — А сейчас? — спросил Арсен.
 — Сейчас я все еще виноват. Но уже не слабый настолько, чтобы снова молчать.
 Мирон тихо прислушался.
 — Это почти чисто.
 — Почти? — спросил Рейнар.
 — Вы боитесь.
 — Да.
 — Чего?
 Рейнар посмотрел на Алиану.
 Потом на Лею, на Арсена, на Мирона.
 — Что опоздал настолько, что никакая правда уже не будет иметь значения.
 Мирон замолчал.
 Лея вдруг вышла из-за матери и спросила:
 — А вы нас любите?
 Алиана резко вдохнула.
 — Лея.
 Дочь не обернулась.
 Она смотрела на Рейнара серьезно, с той беспощадной детской прямоотой, перед которой не спасают ни титулы, ни возраст, ни драконья кровь.
 Рейнар застыл.
 Он не имел права ответить легко. И, кажется, понял это.
 — Я не знаю вас, — сказал он наконец.
 Лея опустила глаза.
 Алиана уже шагнула вперед, чтобы поднять дочь на руки, но Рейнар добавил:
 — Но когда я увидел вас на площади, мне стало страшно так, как не было никогда.

Не за себя. За вас. И если любовь начинается с того, что чужая боль становится важнее своей, то, наверное, начинается.

Лея подняла глаза.

— Это сложно.

— Да.

— Мирон?

Мирон насупился.

— Не врет. Но говорит как взрослый, которому надо все испортить словами.

Лея подумала и кивнула:

— Понятно.

Алиана прижала пальцы к переносице.

Это все было неправильно.

Рейнар не должен был сидеть в ее тесном доме, отвечать детям и звучать почти честно. Дети не должны были привыкать к его голосу. Она не должна была замечать, что он смотрит на их ободранные стулья, дырявую скатерть, стопку детских чашек у печи и каждый предмет будто получает как новый приговор.

В комнату вдруг постучали.

Все вздрогнули.

Но стук был не властный. Знакомый.

— Алиана?

— раздался голос Берты. — Я одна. Не сожгите соседку, мне еще тесто ставить.

Алиана выдохнула.

— Войдите.

Берта открыла дверь локтем, потому что в руках держала корзину, накрытую полотенцем. На пороге она увидела Рейнара, задержалась взглядом на его лице и сказала:

— Вот, значит, какой.

Рейнар чуть склонил голову.

— Госпожа.

— Для вас — вдова Берта. Госпожа я только для тех, кто не бросает беременных жен у ворот.

Мирон громко кашлянул.

Арсен впервые за весь день почти улыбнулся.

Алиана устало сказала:

— Берта.

— Что Берта? Я старше, мне можно.

Рейнар не возразил.
 Берта поставила корзину на стол и раскрыла полотенце.
 — Пирог. Хлеб. Сыр. Для детей медовые лепешки. Сора принесет молоко. Нелла собирает женщин. Если поедете в столицу, одни не поедете.
 Алиана застыла.
 — Берта, нет.
 — Да.
 — Это опасно.
 — А сидеть и ждать, пока к тебе придут с печатью и заберут детей, безопасно?
 — Вы не понимаете, с кем связываетесь.
 Берта посмотрела на Рейнара.
 — С теми, кто считает, что мать можно вычеркнуть строчкой на полу? Очень даже понимаю. У нас тут каждая вторая с такими сталкивалась, только без драконьих понтов.
 Рейнар опустил глаза.
 Умный.
 — Берта, — мягче сказала Алиана, — я благодарна. Правда. Но Совет родов — не лавочник, с которым можно ругаться из-за цены на муку.
 — А мы и не ругаться. Мы свидетельствовать.
 Алиана замолчала.
 Берта довольно кивнула, будто именно такой реакции и ждала.
 — На площади были люди. Все видели, что девочку напугали. Все видели, что мальчик никого не трогал, пока к нему не полезли. Все видели, что ты закрывала их собой. Если Совет хочет сделать вид, будто дети безнадзорные, пусть попробует при свидетелях.
 Рейнар тихо произнес:
 — Это разумно.
 Берта повернулась к нему.
 — Вас не спрашивали.
 — Я знаю.
 — И не надо смотреть на Алиану так, будто она чудо из легенды. Она пять лет тут работала, пока вы где-то

теряли память и честь.
 Мирон прошептал:
 — Мне она нравится.
 — Мне тоже, — сказала Лея.
 Берта ткнула пальцем в Рейнара:
 — А вам еще нет.
 — Это справедливо, — ответил он.
 — Не подлизывайтесь, я старая, но не дура.
 Алиана не выдержала и все-таки коротко рассмеялась.
 Смех вышел странный. Почти рваный. От усталости, страха, абсурда. Но дети сразу посмотрели на нее иначе. Лея даже улыбнулась.
 И это решило больше, чем все доводы.
 Она не будет прятаться в доме до вечера, пока древнее пламя само перепишет их жизнь.
 Она поедет.
 Не как обвиняемая.
 Не как изгнанная.
 Не как мать без прав.
 Как женщина, которая умеет читать документы и заставлять мужчин жалеть о небрежных формулировках.
 — Хорошо, — сказала Алиана.
 Рейнар поднял голову.
 Берта довольно подбоченилась.
 — Мы едем в столицу, — продолжила Алиана. — Сегодня. Но на моих условиях.
 — Говори, — сказал Рейнар.
 — Первое. Дети едут со мной в одной карете. Не с вами, не с вашими людьми, не с представителем Совета.
 — Да.
 — Второе. Никто не касается детей без моего разрешения. Даже лекарь. Даже маг. Даже вы.
 — Да.
 — Третье. Я хочу письменную гарантию, что до окончания проверки дети не будут разделены.
 — Сделаю.
 — Не «сделаю». Напишите сейчас.
 Рейнар кивнул.
 — Сейчас.
 Берта хмыкнула:
 — Чернила у нас есть. Совесть,

смотрю, привезли не всю, но для начала хватит.
 Алиана продолжила:
 — Четвертое. Со мной едут свидетели из Лисса.
 — Сколько?
 — Сколько поместится.
 — Мои люди обеспечат им защиту.
 — Ваши люди будут держаться на расстоянии, пока я не решу иначе.
 — Хорошо.
 — Пятое. В столице вы не говорите от моего имени. Ни одной фразы. Если Совет задает вопрос мне, отвечаю я.
 Рейнар задержал взгляд на ней.
 — А если они попробуют тебя унижить?
 — Тогда вы увидите, как это делают профессионально в ответ.
 Берта одобрительно кивнула:
 — Наша девочка.
 Впервые за весь разговор на лице Рейнара мелькнуло что-то почти живое. Не улыбка. Гордость? Нет. Он не имел на нее права. Скорее больное восхищение, которое он тут же спрятал.
 — Шестое, — сказала Алиана.
 — Есть еще?
 — Да. Самое важное.
 Она подошла ближе. Не к нему — к границе между прошлым и настоящим, которую он все еще пытался перейти.
 — Если в какой-то момент Совет, род, древнее пламя или вы лично попыбуете забрать у меня детей, я перестану играть в закон. Понимаете?
 Рейнар смотрел на нее неподвижно.
 — Да.
 — Нет, вы не понимаете. Я не дракон. У меня нет крыльев, родового пламени и армии. Но я пять лет выживала там, где по вашим законам должна была умереть. Поэтому если меня загнать в угол, я найду способ укубить даже чудовище. И вы будете первым,

если встанете между мной и детьми.
 Арсен подошел и встал рядом с ней.
 Мирон — с другой стороны.
 Лея, подумав, обняла мать за ногу.
 Рейнар медленно опустился на одно колено.
 Не перед детьми.
 Перед Алианой.
 Берта перестала хмыкать.
 Даже Мирон замолчал.
 — Я понял, — сказал Рейнар. — И клянусь кровью Моргрейвов: я не заберу у тебя детей. Не позволю Совету разделить вас. Не назову их наследниками раньше, чем назову их твоими детьми. Если нарушу слово, пусть родовое пламя отвернется от меня.
 Воздух в комнате вспыхнул золотом.
 Клятва принята.
 Мирон резко вдохнул.
 — Чисто.
 Алиана смотрела на стоящего на колене дракона и не чувствовала облегчения.
 Клятвы — красивые вещи. Особенно пока не узнаешь, кто умеет их подделывать.
 — Встаньте, — сказала она. — У меня маленькая кухня, а вы занимаете половину пола.
 Берта фыркнула.
 Рейнар поднялся.
 Алиана достала бумагу, чернила, перо. Положила на стол.
 — Пишите гарантию.
 Он сел.
 Неловко.
 Стул оказался слишком низким, стол — слишком узким, а трое детей смотрели на него так, будто он был не могущественным драконом, а подозрительным зверем, которого мать зачем-то впустила в дом.
 Рейнар взял перо.
 — Как указать детей?
 Алиана холодно ответила:
 — По именам.
 — Я имел в виду...
 — Я знаю, что вы имели в виду. Никаких «возможных наследников». Никаких

«носителей дара». Никаких «объектов проверки». Пишите: Арсен Морвель, Мирон Морвель, Лея Морвель.
 Он застыл на фамилии.
 Всего на миг.
 Но она заметила.
 — Что-то не так?
 — Нет.
 — Тогда пишите.
 Он написал.
 Каждая буква давалась ему как разрез. Алиана видела это и не отворачивалась. Пусть. Для нее каждая детская болезнь без лекаря тоже была разрезом. Каждое «а где наш папа?» было разрезом. Каждая ночь, когда она сидела над тремя люльками и боялась уснуть, потому что у одного мог подняться жар, у второго — прорваться дар, у третьей — начаться плач, который будит серебряный огонь.
 Пусть теперь он тоже почувствует хотя бы край.
 Когда гарантия была написана, Алиана прочитала ее дважды.
 Потом заставила Берту прочитать вслух.
 Потом дала Мирону.
 — Я не все слова понимаю, — сказал сын.
 — Слушай, где звучит криво.
 Он провел пальцем по строкам, нахмурился.
 — Тут.
 Рейнар наклонился:
 — Где?
 Мирон ткнул в середину:
 — «До завершения первичной проверки». Это кривое. Они могут сказать, что первичная закончилась, и начать другую.
 Алиана подняла взгляд на Рейнара.
 Тот уже зачеркнул фразу.
 — Напишу: до отдельного письменного согласия матери либо решения открытого Совета при свидетелях.
 — Лучше, — сказал Мирон.
 Берта присвистнула.
 — Вот это у мальчика

уши.
 — Не только уши, — тихо сказал Рейнар.
 Арсен тут же напрягся.
 — Не смотрите на него как на дар.
 Рейнар опустил перо.
 — Хорошо.
 — Он Мирон.
 — Да. Мирон.
 Мирон вдруг покраснел и отвернулся.
 Алиана сделала вид, что не заметила.
 Гарантию подписали кровью Рейнара и чернилами Алианы. Берта поставила свидетельскую отметку жирным крестом, потому что писать умела плохо, но крест получился такой уверенный, будто мог сам пойти и дать кому-нибудь по голове.
 Через полчаса дом превратился в осажденный улей.
 Сора принесла молоко и теплые платки. Нелла — детские рукавицы. Иви пришла с иглками и за десять минут перешила Лее воротник так, чтобы закрывал виски. Мельник прислал старую, но крепкую карету. Берта командовала всеми, включая воинов Моргрейвов, которые поначалу пытались выглядеть грозно, но быстро поняли, что против вдовы с пирогами их военная выучка бесполезна.
 Алиана собрала документы.
 Свидетельство о рождении детей, написанное рукой Марты. Три маленьких ленты с их первых пеленок. Записи о горячке Арсена. Расписки лекаря за травы. Ее рабочие бумаги. Все, что доказывало: эти дети не появились из воздуха как родовая ценность. Они жили. Болели. Смялись. Росли. Были любимы.
 В спальне она помогала Лее застегнуть платье, когда дочь вдруг спросила:
 — Мам, а если пламя скажет, что мы его?
 Алиана замерла.
 — Чьего?

 — Дракона.
 Арсен, стоявший у двери, ответил раньше:
 — Мы мамины.
 — Я знаю. Но если пламя скажет?
 Мирон, сидевший на кровати, болтал ногой.
 — Пламя может сказать что угодно. Оно старое. Старые часто говорят глупости.
 — Берта старая, но не говорит глупости.
 — Берта исключение.
 Лея не улыбнулась.
 Алиана присела перед ней.
 — Пламя может признать кровь. Может признать дар. Может вписать имена. Но оно не решает, кого ты любишь и кто тебе семья.
 — А если оно решит, где нам жить?
 — Тогда я поспорю с пламенем.
 — Оно же огонь.
 — А я твоя мама.
 Лея подумала.
 — Тогда ты победишь.
 — Конечно.
 Арсен серьезно кивнул, будто другого варианта и не существовало.
 Мирон вздохнул:
 — Уверенность без доказательств, но звучит приятно.
 Алиана притянула его к себе, потом Арсена, потом Лею. Обняла всех троих сразу, как получалось только сидя.
 — Послушайте меня. В столице будут говорить много страшного. Про кровь, род, закон, долг, наследие. Кто-то будет смотреть на вас как на чудо, кто-то как на угрозу, кто-то как на вещь, которую можно забрать. Вы должны помнить одно: вы не вещь. Не долг. Не ошибка. Не доказательство. Вы — Арсен. Мирон. Лея. Мои дети. Слышите?
 — Слышим, — сказал Арсен.
 — Слышим, — повторила Лея.
 Мирон тихо добавил:
 — Это чисто.
 Алиана поцеловала их по очереди.
 — Тогда идем.

На улице их ждали.
 И не только Рейнар.
 Половина переулка стояла у домов. Женщины с корзинами, мужчины с хмурыми лицами, дети, которых матери держали за плечи. Никто не кричал. Никто не бросался обниматься. Но когда Алиана вышла с тройней, люди расступились не как перед опасностью.
 Как перед своими.
 Берта шла первой, неся корзину с едой.
 — Столице надо показать, что в Лиссе детей не выдают, как мешок муки.
 Сора несла сверток с документами о том, как Алиана помогла ей вернуть мельницу.
 Нелла — бумагу с подписями соседок, которые видели детей здоровыми, ухоженными и любимыми.
 Иви — маленький сшитый мешочек для Леиных трав.
 Алиана остановилась.
 — Вы не обязаны.
 Берта резко обернулась:
 — Еще раз скажешь — обижусь.
 — Это может плохо закончиться.
 — Девочка, мне шестьдесят три года, муж оставил долги, старший сын ушел на войну и не вернулся, а младший женился на женщине, которая кладет в пироги слишком мало масла. Меня трудно напугать.
 Мирон шепнул:
 — Про масло правда.
 — Мирон.
 — Я тихо.
 Рейнар стоял у кареты.
 Не у двери. Чуть в стороне.
 Как и обещал.
 Его люди выстроились по краям улицы, но без поднятого оружия. Карета Моргрейвов, черная, тяжелая, с гербом дракона, стояла дальше. Рядом с ней — простая карета мельника.
 Алиана направилась к простой.
 Рейнар не остановил.
 Только сказал:

— Дорога до столицы займет четыре часа, если не будет задержек.
— Они будут.
— Да.
— Почему?
Он посмотрел на северную дорогу.
— Потому что Карр уже знает.
При имени советника воздух будто стал холоднее.
Алиана помогла Лее забраться внутрь, потом Мирону. Арсен вошел последним, не сводя глаз с Рейнара.
— Вы поедете там?
— спросил он, кивнув на черную карету.
— Да.
— Не рядом?
— Нет.
Арсен подумал.
— Если нападут?
— Я буду ближе, чем покажется.
— Это звучит как угроза.
Рейнар покачал головой.
— Как обещание.
Мирон высунулся из кареты.
— Чисто, но пафосно.
Рейнар впервые за все время почти улыбнулся.
Совсем немного.
И тут же стер улыбку, будто не позволил себе.
Алиана заметила.
И разозлилась на себя за это.
Она поднялась в карету и села между детьми. Лея сразу прижалась к ее боку, Мирон положил на колени разбитую стеклянную птицу, которую зачем-то забрал с площади, Арсен сел напротив, лицом к окну.
Берта устроилась рядом с кучером, потому что «внутри душно, а снаружи я хотя бы вижу, кому ругаться».
Карета тронулась.
Лисс провожал их молча.
На последнем повороте Алиана увидела свой дом. Маленький, перекошенный, с чуть дымящейся трубой и выцветшей вывеской. Дом, который пять лет был крепостью, убежищем, мастерской,

детской, больницей и местом, где она каждое утро собирала себя заново.
Теперь он оставался позади.
Лея всхлипнула:
— Мы вернемся?
— Да.
— Обещаешь?
Алиана посмотрела на дорогу впереди.
На серое небо.
На черную карету Моргрейвов, идущую следом на расстоянии.
— Обещаю.
Мирон тихо сказал:
— Чисто.
Дорога к столице шла через поля, потом через сосновый тракт. Снег лежал пятнами в канавах, ветви шумели от ветра, колеса стучали по мерзлым выбоинам. Сначала дети молчали. Потом Лея уснула у Алианы на коленях, уткнувшись носом в ее шаль. Мирон задремал сидя, но каждый раз вздрагивал, когда снаружи слышался чужой голос. Арсен не спал.
— Скажи,
— тихо попросила Алиана.
Он не повернулся.
— Что?
— Ты слишком долго молчишь.
— Если пламя признает нас Моргрейвами, он обрадуется.
— Возможно.
— А ты?
Она погладила Лею по волосам.
— Я обрадуюсь, если никто не сможет назвать вас безродными.
— Но Моргрейвами?
В этом слове у Арсена было слишком много горечи для ребенка.
— Имя не делает тебя чужим мне.
— А ему своим?
Алиана не сразу ответила.
— Кровь — это не вся семья.
— Но часть?
— Часть.
Арсен наконец повернулся.
— Я не хочу, чтобы он думал, что может прийти и стать отцом, потому что у нас одинаковый огонь.
— Я тоже.

— А если Лея захочет?
 Алиана почувствовала, как кольнуло сердце.
 — Тогда я не стану запрещать ей чувствовать.
 — Даже если тебе больно?
 — Даже если мне больно.
 Арсен нахмурился.
 — Это неправильно.
 — Это материнство.
 — Мне не нравится.
 — Мне часто тоже.
 Он смотрел в окно.
 — Он мог бы быть хорошим отцом?
 Вот это ударило сильнее.
 Не потому, что ответ был очевиден.
 Потому что нет.
 Потому что в памяти Алианы все еще жил Рейнар до Белого зала: неловкий с детской погремушкой, слишком серьезный у колыбели, которую он приказал сделать заранее, тихий по вечерам, когда думал, что она спит, и говорил с ребенком через ее живот.
 Мог.
 Если бы не поверил лжи.
 Если бы не оказался слаб.
 Если бы.
 Проклятое слово, на котором женщины часто хоронят остатки надежды.
 — Я не знаю, — честно сказала она.
 Арсен кивнул.
 — Это чисто?
 Мирон, не открывая глаз, пробормотал:
 — Угу.
 Алиана чуть улыбнулась.
 Через час карета резко остановилась.
 Лея проснулась.
 Арсен сразу вскочил.
 Снаружи Берта сказала такое крепкое слово, что кучер подавился.
 Алиана отодвинула занавеску.
 На дороге стояли люди.
 Не разбойники. Слишком ровные плащи, слишком одинаковые перчатки, слишком спокойные лица.
 Пятеро всадников с серебряными знаками Совета.
 Перед ними — высокая

женщина в темном дорожном платье. Черные волосы убраны в тугой узел, на воротнике — брошь в форме раскрытого крыла.
Алиана не знала ее.
Память Алианы Морвель знала.
Леди Илва Моргрейв.
Мать Рейнара.
Женщина, которая пять лет назад коснулась рукава сына в Белом зале, и он замолчал.
Карета Моргрейвов остановилась позади. Дверца распахнулась почти сразу.
Рейнар вышел.
Не быстро. Но так, что воздух вокруг стал опасным.
Илва даже не посмотрела на него сначала.
Ее взгляд был прикован к простой карете.
К окну.
К детям.
— Алиана, — тихо сказал Арсен.
— Вижу.
Лея шепнула:
— Кто это?
Алиана опустила занавеску.
— Ваша бабушка.
Мирон поморщился.
— Звучит плохо.
— Потому что пока так и есть.
Снаружи Рейнар сказал:
— Мать.
Илва ответила:
— Ты везешь их не туда.
— Я везу их на проверку.
— Ты везешь их вместе с ней.
— Именно.
— Ошибка.
Алиана медленно открыла дверцу кареты.
Берта обернулась:
— Сиди, я сама ее укушу.
— Нет, — сказала Алиана. — Эту я хочу увидеть.
Она вышла на дорогу.
Рейнар резко повернулся, словно хотел попросить ее не вмешиваться. Умный дракон промолчал.
Леди Илва смотрела на Алиану без удивления. Словно пять лет между ними не было. Словно изгнанная жена не должна была состариться от горя, умереть

в снегу или хотя бы научиться опускать глаза.
Алиана не опустила.
— Леди Моргрейв, — сказала она ровно.
— Морвель, — поправила Илва.
— Как приятно, что вы запомнили фамилию, которую ваш род оставил мне вместо защиты.
Рейнар едва заметно вздохнул.
Берта с козел довольно крикнула:
— Хорошее начало.
Илва не смутилась.
— Дети должны ехать в карете рода.
— Дети едут с матерью.
— Их мать не признана защитником при древнем пламени.
— Пока.
— Ты не понимаешь, с чем столкнулась.
— С женщиной, которая однажды уже выбрала род вместо совести? Понимаю лучше, чем хотелось бы.
Лицо Илвы осталось холодным, но пальцы на перчатке сжались.
Попала.
— Рейнар, — сказала она, не отрывая взгляда от Алианы, — ты не можешь позволить ей говорить за наследников Первого пламени.
— Могу, — ответил он. — И позволю.
— Они не ее собственность.
Алиана улыбнулась.
— Наконец-то правильная мысль. Они ничья собственность. Даже ваша.
Илва чуть приподняла подбородок.
— Если дети останутся при женщине без родовой защиты, Совет признает их угрозой. Их разделят. Девочку заберут первой.
В карете Лея тихо всхлипнула.
Алиана шагнула вперед.
Рейнар тоже.
На этот раз они двинулись одновременно и оба заметили.
— Не смейте говорить так, чтобы она слышала, — сказала Алиана.

Илва впервые посмотрела не на нее, а в окно кареты. Там за занавеской виднелись три маленьких лица.
 И что-то в ее взгляде дрогнуло.
 Очень быстро. Почти незаметно.
 Но Алиана научилась видеть то, что люди прячут.
 — Трое, — сказала Илва тише.
 — Да. Представляете, как неудобно вышло? Ваш род отказался оптом.
 Рейнар закрыл глаза на мгновение.
 Илва побледнела.
 — Ты не знаешь всей правды.
 — Эту фразу я за последние сутки слышу слишком часто. Может, кто-нибудь наконец начнет эту правду говорить?
 Илва перевела взгляд на Рейнара.
 — Не здесь.
 — Конечно, — сказала Алиана. — Правда у благородных родов всегда требует подходящего помещения.
 Мирон высунул голову из кареты:
 — Мам, она боится.
 Илва резко посмотрела на мальчика.
 Мирон не спрятался.
 — Не нас. Не совсем. Она боится, что ты узнаешь что-то до проверки.
 Рейнар повернулся к матери.
 — Что именно?
 Илва стала ледяной.
 — Убери ребенка из разговора.
 Арсен появился рядом с Мироном.
 — Он не ребенок для вас, когда его хотят забрать?
 — Арсен, в карету, — сказала Алиана.
 — Но...
 — В карету.
 Сын подчинился, но взгляд от Илвы не отвел до последнего.
 Леди Моргрейв медленно вдохнула.
 — Если ты поедешь с ними, Рейнар, Совет обвинит тебя в давлении на проверку.
 — Пусть.
 — Они могут снять тебя с главы рода.
 — Пусть

попробуют.
 — Не будь мальчишкой.
 — Я перестал им быть в тот день, когда понял, что мой род оставил мою жену умирать у ворот.
 Алиана застыла.
 Жену.
 Не бывшую.
 Не изгнанную.
 Не ошибку.
 Жену.
 Илва тоже услышала.
 — Осторожнее, сын.
 — Я был осторожен пять лет. Хватит.
 Воздух между ними потемнел.
 На миг Алиане показалось, что сейчас над дорогой вспыхнут крылья двух драконов — старой ледяной леди и ее сына, который слишком поздно вспомнил, что умеет не подчиняться.
 Но Илва не стала спорить пламенем.
 Она сделала хуже.
 Посмотрела на Алиану и сказала:
 — Если ты хочешь сохранить детей, не противься признанию рода.
 — Я противлюсь не признанию. Я противлюсь воровству.
 Иногда, чтобы ребенок выжил, мать должна уступить.
 Алиана подошла ближе.
 Совсем близко.
 — Пять лет назад я уступила вам зал, фамилию, защиту и право получить ответ. Больше у меня ничего не осталось, кроме детей. И это я не уступлю.
 Илва смотрела на нее долго.
 Потом тихо произнесла:
 — Тогда готовься потерять больше, чем думаешь.
 Рейнар шагнул между ними.
 — Довольно.
 — Нет, — сказала Алиана. — Пусть договаривает. У меня в последнее время редкая удача на людей, которые знают правду и давятся ею для моего же блага.
 Илва отвернулась.
 — Увидимся у пламени.
 Она села в свою карету. Всадники Совета

развернулись следом.
 Дорога освободилась.
 Но легче не стало.
 Рейнар подошел к Алиане.
 — Ты должна знать...
 — Нет.
 — Алиана.
 — Нет, Рейнар. Не сейчас. Если вы знаете что-то важное — говорите полностью. Если не можете — не начинайте.
 Он сжал челюсть.
 На шее под воротом темный след клятвы налился черным.
 — Не можешь,
 — сказала она сама.
 — Пока нет.
 — Тогда молчите.
 Она развернулась к карете.
 Но он все-таки произнес:
 — У моей матери был доступ к родовой книге.
 Алиана остановилась.
 Медленно повернула голову.
 — Что?
 Рейнар смотрел на дорогу, по которой уехала Илва.
 — И к моей крови в ту ночь тоже.
 Тишина стала такой плотной, что даже лошади замерли.
 Из кареты донесся голос Мирона:
 — Это чисто.
 Алиана почувствовала, как внутри холодно и ясно складывается новая часть картины.
 Карр.
 Совет.
 Поддельные доказательства.
 Кровь Рейнара.
 Илва Моргрейв.
 Мать, которая могла спасти — и не спасла.
 — В карету, — сказала Алиана.
 Голос у нее был ровный.
 Слишком ровный.
 Рейнар посмотрел на нее.
 — Алиана...
 — В столицу, лорд Моргрейв. К вашему прекрасному родовому пламени. Я хочу посмотреть ему в лицо.
 Она села к детям.
 Дверца закрылась.
 Карета тронулась снова.
 Лея забралась к ней на колени.

— Мам, бабушка плохая?
 Алиана посмотрела в окно на черную карету впереди, куда свернула Илва.
 — Не знаю, родная.
 — Но она нас не любит?
 Алиана обняла дочь крепче.
 — Она пока не поняла, что вы не должны заслуживать любовь.
 Мирон тихо сказал:
 — А если она помогла вычеркнуть нас?
 Арсен сжал кулаки.
 Алиана прикрыла глаза.
 — Тогда она узнает, что бывает, когда трогают моих детей.
 Дорога впереди пошла вверх.
 За холмом поднялись башни столицы.
 Черные, золотые, острые, как корона хищника.
 А над ними горел огромный столб пламени — родовой огонь Моргрейвов, созданный на проверку.
 Лея спрятала лицо у матери на груди.
 Мирон побледнел.
 Арсен смотрел не мигая.
 Алиана прижала детей к себе и поняла: пять лет она боялась, что прошлое найдет их.
 Теперь прошлое ждало у ворот.
 С печатями.
 С законами.
 С огнем, который мог назвать ее детей наследниками — и отнять их тем же словом.

Глава 5. Проверка родового пламени

Столица встретила их не шумом, а взглядом.
Алиана сразу это почувствовала, едва карета въехала под высокую арку северных ворот. В Лиссе люди смотрели открыто: с испугом, жалостью, любопытством, иногда с той грубоватой добротой, которую не прятали за воспитанием. Здесь смотрели иначе. Быстро, цепко, из-за занавесок, из глубины экипажей, из-под полей дорожных шляп, с верхних галерей каменных домов. Смотрели так, будто уже знали часть истории и ждали, какая версия окажется выгодной.
Лея сидела у Алианы на коленях и молчала. После встречи с Илвой она почти не говорила, только теребила край шали и иногда касалась виска, проверяя, не проступили ли чешуйки.
Арсен сидел напротив, прямой, бледный, с руками на коленях. Его пальцы казались обычными, детскими, но Алиана видела: под кожей на костяшках дремлет огонь. Он сдерживал его изо всех сил.
Мирон смотрел в окно.
И чем ближе они подъезжали к центру, тем сильнее хмурился.
— Слишком много лжи, — сказал он наконец.
Алиана провела ладонью по волосам Леи.
— Не слушай.
Мирон повернулся к ней с выражением человека, которому

предложили не дышать.
 — Я не умею не слушать.
 — Тогда слушай только главное.
 — Здесь все считают себя главным.
 Берта, устроившаяся рядом с кучером и периодически заглядывавшая внутрь через маленькое окошко, буркнула:
 — Столица. Тут даже голуби гадят с видом родовой привилегии.
 Лея неожиданно хихикнула.
 Алиана благодарно посмотрела на Берту.
 — Госпожа Берта, — строго сказал Мирон, — голуби не могут иметь родовые привилегии.
 — Ты еще местных голубей не видел.
 — Видел. Один сидел на фонаре и явно врал, что не голоден.
 — Вот, значит, уже познакомился.
 Арсен не улыбнулся. Он смотрел вперед, туда, где за узкими улицами поднимался огненный столб. Чем ближе они подъезжали, тем ярче становилось пламя. Оно не было похоже на обычный огонь. Не плясало от ветра, не дымило, не съедало воздух. Оно стояло над городом ровно, как огромный меч, вонзенный в небо. Черно-золотое у основания, алое в середине, белое на самой вершине.
 Родовое пламя Моргрейвов.
 Алиана помнила его по свадьбе.
 Тогда оно казалось ей красивым. Страшным, древним, но все же красивым. Пламя приняло ее руку, обвило запястье золотом брачной печати, и Рейнар тихо сказал:
 — Теперь ты под защитой рода.
 Она была дурой.
 Нет, не дурой. Влюбленной женщиной. Иногда разница меньше, чем хотелось бы.
 — Мам, — тихо сказал Арсен.
 — Что?
 — Оно злится.
 Алиана

посмотрела на сына.
 — Пламя?
 Он кивнул.
 — Не на нас. Не знаю. Оно как будто давно ждало.
 Лея зажмурилась.
 — Я не хочу к нему.
 — Я буду рядом.
 — А если оно скажет уйти от тебя?
 — Значит, я скажу ему, что оно ошиблось.
 — Оно большое.
 — А я упрямая.
 Мирон вздохнул:
 — Упрямство не является юридическим основанием.
 — Ты уверен?
 — Нет. Надо проверить.
 Берта сунула голову в окошко.
 — Упрямство — лучшее основание, малыш. Половина браков на нем держится, половина судов о наследстве на нем разваливается.
 Алиана поправила Лее воротник.
 — Давайте еще раз.
 Арсен сразу сказал:
 — Держаться вместе. Не отвечать без тебя. Не показывать дар.
 — Если пламя само вызовет? — спросила Лея.
 — Смотри на меня, — ответила Алиана. — Не на них. Не на огонь. На меня.
 Мирон поднял забинтованную ладонь.
 — Если будут врать?
 — Молчишь, пока я не разрешу.
 Он поморщился так, будто ему предложили выпить горькое лекарство.
 — Я постараюсь.
 — Мирон.
 — Хорошо. Буду молчать. Но лицо не обещаю.
 Карета свернула на широкую площадь.
 И разговор оборвался.
 Зал родового пламени стоял в центре столицы отдельно от дворца Совета и от домов знати. Огромное черное здание без окон, круглое, как башня, с гладкими стенами, на которых не было ни украшений, ни гербов. Только над высокими дверями горел

знак: раскрытое драконье крыло, перечеркнутое тонкой линией пламени.
 Людей на площади было слишком много.
 Советники в мантиях. Слуги в темных ливреях. Драконьи воины. Писцы с кожаными папками. Женщины в дорогих платьях, приехавшие будто случайно, но почему-то заранее. Несколько мужчин в мундирах городской стражи. И за отдельным ограждением — простые жители, которых обычно близко к такому месту не подпускали, но сегодня, видимо, слух оказался сильнее порядка.
 Алиана сразу увидела Селену Риорд.
 Та стояла у мраморной колонны, бледная, в темно-синем платье, с безупречной прической и глазами человека, которому хочется оказаться где угодно, только не здесь. Рядом с ней — пожилая женщина с острым лицом. Мать, должно быть. Та смотрела на карету Алианы так, будто видела не детей, а оживший приговор.
 Селена встретила с Алианой взглядом.
 И отвела глаза.
 — Кто это? — спросил Мирон.
 Алиана не сразу ответила.
 — Женщина, которая должна была занять мое место.
 Арсен медленно повернул голову к окну.
 — Она?
 — Не сейчас.
 — Она плохая?
 Лея шепнула:
 — Она плакала в огне.
 Алиана помнила. Серебряное пламя Леи показало Селену у закрытой двери Совета и голос ее матери: «первую жену уберут».
 — Я пока не знаю, какая она, — сказала Алиана. — Но она что-то знает.
 — Все тут что-то знают, — проворчал Мирон. — И почти все

делают вид, что нет.
Карета остановилась.
Сначала вышла Берта. Спрыгнула с подножки, оглядела площадь и сказала достаточно громко:
 — Ух ты. Сколько нарядных людей собралось смотреть на троих детей. Работы у них, видать, совсем нет.
Ближайший писец подавился воздухом.
Алиана не стала ее одергивать.
Пусть столица сразу привыкает.
Рейнар подошел к дверце кареты, но не открыл ее. Остановился рядом, повернулся к Алиане через стекло и ждал.
Ждал разрешения.
Площадь заметила.
Взгляды стали острее.
Алиана могла выйти сама. Именно это и хотела. Но Лея так крепко вцепилась в ее шаль, что пришлось сначала поднять дочь.
Дверца открылась изнутри.
Алиана вышла первой, держа Лею на руках. За ней Мирон. Арсен последним.
Рейнар сделал движение, будто хотел подать руку Мирону, но вовремя остановился.
Мальчик заметил.
 — Учитесь?
 — Да, — ответил Рейнар.
 — Медленно.
 — Да.
Мирон подумал и кивнул:
 — Зато честно.
Арсен не сказал ничего. Просто встал между Леей и площадью.
Алиана огляделась.
Люди смотрели на детей жадно.
Особенно на Лею.
Серебряное пламя памяти — вот что их привлекло. Не ее испуг, не маленькие пальцы, не то, как она прячет лицо в материнской шали. Дар. Редкость. Ценность. Угроза.
Алиана медленно поставила дочь на землю, но не отпустила ее руку.
К ним подошел

Эдвин Карр.
 Тот самый старейшина, чей голос пять лет назад объявил ее брак расторгнутым. За это время он почти не изменился. Та же гладкая сдержанность, те же холодные глаза, та же серебряная цепь Совета. Только у висков стало больше седины, и от этого он выглядел еще значительнее. Люди вроде Карра старели не в сторону слабости, а в сторону права.
 — Лорд Моргрейв, — сказал он. — Госпожа Морвель.
 Не леди.
 Не Моргрейв.
 Госпожа Морвель.
 Алиана улыбнулась.
 — Советник Карр. Как приятно снова видеть мужчину, который умеет уничтожать семьи ровным голосом.
 Площадь замерла.
 Рейнар чуть повернул голову к ней.
 Карр не дрогнул.
 — Ваше эмоциональное состояние понятно.
 — Не льстите себе. Понятым оно станет, когда я начну говорить громче.
 Берта довольно кашлянула.
 Карр перевел взгляд на детей.
 — Это они?
 Арсен тут же шагнул вперед.
 — Мы не «это».
 Карр приподнял бровь.
 — Смелый мальчик.
 — Осторожнее, — сказал Мирон. — Он еще не начинал.
 Лея спряталась за Алиану полностью.
 Карр посмотрел на нее дольше, чем позволяла вежливость.
 — Серебряное пламя.
 Алиана закрыла дочь собой.
 — Лея.
 — Что?
 — Ее зовут Лея. Повторите, если трудно запомнить.
 На лице Карра появилась тонкая улыбка.
 — Все имена будут рассмотрены пламенем.
 — Рассмотрены?

— переспросила Алиана. — Не признаны?
 — Это зависит от результата.
 Рейнар тихо сказал:
 — Их кровь уже отвечает.
 — Кровь — только одно из условий, лорд Моргрейв.
 — Моя кровь.
 — Тем более вопрос требует осторожности.
 Мирон вдруг поднял голову.
 Алиана заметила.
 — Молчи, — прошептала она.
 — Очень трудно.
 — Постарайся.
 Карр тоже заметил реакцию мальчика.
 — Любопытно. Дар истины?
 — У моего сына есть имя, — сказала Алиана.
 — Ваш сын, безусловно, представляет интерес.
 — Для матери — да. Для Совета — только через письменное разрешение.
 Карр улыбнулся шире.
 — Вы по-прежнему любите документы.
 — Они хотя бы не делают вид, что у них есть сердце.
 На этот раз в толпе кто-то тихо ахнул. А может, засмеялся.
 Карр решил не отвечать ей. Умный. Он повернулся к площади и поднял руку.
 Гул стих.
 — Сегодня по требованию Первого пламени и в присутствии Совета родов проводится проверка происхождения троих несовершеннолетних носителей драконьих даров, рожденных госпожой Алианой Морвель после расторжения ее брака с лордом Рейнаром Моргрейвом.
 Алиана сразу шагнула вперед.
 — Протест.
 Карр повернулся к ней медленно.
 — Проверка еще не началась.
 — Зато ложь уже началась.
 Гул прокатился по площади.
 Рейнар не вмешался. Как и обещал.

Только встал чуть ближе к детям, но не рядом. На расстоянии. Так, чтобы его можно было заметить, но не назвать хозяином происходящего.
 Карр смотрел на Алиану.
 — Что именно вы оспариваете?
 — Формулировку. Дети рождены не «после расторжения брака», а зачаты в браке. На момент моего изгнания беременность уже была известна роду Моргрейвов, а решение Совета прямо касалось будущего ребенка. Теперь выяснилось, что детей было трое. Значит, формулировка должна звучать: «трое детей, зачатых в браке Алианы Морвель и Рейнара Моргрейва, ранее лишенных права на имя решением Совета». Запишите точно.
 Один из писцов замер с пером.
 Карр на миг стал совершенно неподвижным.
 — Это вопрос трактовки.
 — Нет. Это вопрос факта.
 Она повернулась к писцу.
 — Пишите. Или у вас чернила признают только удобную правду?
 Мирон тихо выдохнул.
 — Чисто.
 Писец нерешительно посмотрел на Карра.
 Рейнар произнес:
 — Записать.
 Не громко.
 Но никто не переспросил.
 Перо закрипело по бумаге.
 Алиана почувствовала, как по площади прошла первая маленькая трещина. Незаметная для тех, кто ждал зрелища, но важная для нее.
 Не позволять им называть детей иначе.
 Ни разу.
 Ни в одном документе.
 Карр поднял руку снова.
 — С поправкой матери, — сказал он холоднее, — проверка проводится в отношении

Арсена Морвеля, Мирона Морвеля и Леи Морвель.
 На фамилии Морвель у стоящих рядом драконов дернулись лица.
 Рейнар не дернулся.
 Но Алиана видела: услышал. Почувствовал.
 Пусть.
 — В случае подтверждения крови Моргрейвов, — продолжил Карр, — Совет определит временный порядок защиты детей до полного разбирательства.
 — Протест, — снова сказала Алиана.
 На этот раз кто-то в толпе уже откровенно хмыкнул.
 Карр медленно повернул к ней лицо.
 — Основание?
 — Совет не имеет права определять порядок защиты до выяснения обстоятельств прежнего незаконного отречения. Особенно если один из членов Совета участвовал в том решении.
 Карр сделал шаг к ней.
 — Вы обвиняете Совет?
 — Пока задаю вопросы. Обвинять буду позже, когда соберу достаточно бумаг.
 Берта громко сказала:
 — У нее получится. Она занудная.
 Алиана не обернулась.
 Карр опустил руку.
 — Госпожа Морвель, вы явились сюда не для судебного разбирательства.
 — Я явилась сюда, потому что на полу моего дома древний огонь написал угрозу лишить меня детей. Не делайте вид, что это дружеское приглашение на чай.
 Рейнар взглянул на Карра.
 — Угроза была незаконной.
 — Пламя не знает незаконности, лорд Моргрейв.
 — Люди, которые им пользуются, знают.
 Впервые между ними прошел открытый

удар.
 Карр посмотрел на Рейнара долго. Вежливо. Почти сочувственно.
 — Вам стоит быть осторожнее. Эмоции отца могут помешать беспристрастности главы рода.
 — Я не беспристрастен.
 Тишина стала глухой.
 Рейнар продолжил:
 — И не собираюсь притворяться.
 Алиана резко посмотрела на него.
 Плохой ход.
 Сильный, красивый, но плохой.
 Карр сразу улыбнулся глазами.
 — Зафиксировать: глава рода Моргрейвов признает личную заинтересованность в исходе проверки.
 Перо писца побежало по бумаге.
 Алиана захотела выругаться.
 — Лорд Моргрейв, — сказала она сухо, — если вы закончили помогать противнику, вернитесь к молчанию.
 Рейнар посмотрел на нее.
 Взгляд был странный. Почти благодарный.
 — Да.
 Мирон пробормотал:
 — Иногда молчание правда лучше.
 Карр больше не стал спорить на площади.
 Он повернулся к дверям зала.
 — Проверка состоится внутри. Присутствуют: Совет, глава рода Моргрейвов, мать детей, двое свидетелей от города Лисс, писцы, хранитель родовой книги и представитель королевского надзора.
 — Трое свидетелей, — сказала Берта.
 Карр посмотрел на нее так, будто впервые увидел сорную траву, которая заговорила.
 — Двое.
 — Трое, — повторила Берта. — Я считать умею. Еду я, Сора и Нелла. Иви снаружи останется с корзинами, потому что у нее нервы слабые, зато слух хороший.
 — Это не рыночный спор.
 — Вот

и не торгуйтесь.
 Карр сжал губы.
 Алиана вдруг поняла: Берта бесит его не меньше, чем она сама. Возможно, больше. С Алианой еще можно было обращаться как с бывшей женой дракона. С Бертой — нет. Она была просто вдовой с пирогами и полным отсутствием страха перед титулами.
 — Трое свидетелей, — сказал Рейнар.
 Карр посмотрел на него.
 Рейнар молчал.
 Победил именно этим.
 Двери зала открылись.
 Внутри было темно.
 Не потому что не хватало света. Света было слишком много — пламя горело в центре огромного круглого пространства, поднимаясь из черной каменной чаши. Но стены поглощали его, не отражая. На полу по кругу были вплавлены золотые линии, похожие на корни. Они тянулись к чаше и уходили под нее, будто весь зал был огромным живым сердцем.
 Лея остановилась на пороге.
 — Оно смотрит.
 Алиана сжала ее руку.
 — На всех?
 Девочка покачала головой.
 — На нас.
 Арсен встал рядом с сестрой. Мирон — с другой стороны.
 Впервые за день никто из них не спорил, кто где идет.
 Алиана шагнула в зал вместе с ними.
 Пламя дрогнуло.
 Не вспыхнуло. Не взревело. Просто повернулось, если огонь вообще мог поворачиваться.
 И Алиана почувствовала взгляд.
 Не человеческий. Не добрый. Не злой. Древний, холодный и голодный до имен.
 Хранитель родовой книги стоял у чаши. Сухой старик в черной мантии, с лицом, похожим

на высохшую кору. Перед ним на каменном постаменте лежала огромная книга в переплете из темной кожи. Она была открыта на пустой странице.
Пустой.
Алиана сразу это заметила.
И Рейнар тоже.
— Где запись? — спросил он.
Хранитель опустил голову.
— Для проверки открыта новая страница.
— Где запись о моем браке?
— Архивная часть будет поднята при необходимости.
— Не при необходимости. Сейчас.
Карр вмешался:
— Процедура проверки детей не требует...
— Требуется, — перебила Алиана.
Все повернулись к ней.
Она не отступила.
— Если проверяется происхождение детей, зачатых в браке, запись о браке родителей является основанием. Или Совет предпочитает проверять ветку, не показывая корень?
Хранитель посмотрел на Карра.
Карр улыбнулся.
— Поднимите запись.
Старик положил ладонь на книгу.
Страницы зашевелились сами. Медленно, тяжело, будто не хотели открываться. Пламя в чаше стало ниже.
Наконец книга остановилась.
На левой странице было имя:
Рейнар Арден Моргрейв.
Рядом — Алиана Морвель.
Нет.
Не рядом.
Имя Алианы было почти выжжено. Буквы сохранились частично, как следы на пепле. Между именами, где должна была светиться брачная линия, зияла черная трещина.
А ниже...
Ниже был след.
Тонкий, почти невидимый. Как будто кто-то когда-то начал выводить

продолжение родовой ветви и сразу стер.
 Алиана
склонилась ближе.
 Три крошечные точки.
 Не
имена.
 Не буквы.
 Просто три места, где книга
должна была знать детей.
 Рейнар увидел.
 Его
лицо окаменело.
 — Это не естественный разрыв, —
сказал он.
 Хранитель молчал.
 Карр произнес:
 — Брак был расторгнут законно.
 — Я говорю не о
браке.
 Алиана повернулась к нему.
 — Что это?
 Рейнар не сразу ответил.
 Потом сказал:
 — Следы
нерожденных наследников.
 — Но имен нет.
 — Их
стерли до того, как книга успела принять.
 Лея заплакала
беззвучно.
 Арсен подошел ближе к постаменту, и
пламя в чаше вдруг поднялось.
 Хранитель резко
вскинул руку.
 — Ребенок не должен приближаться без
вызова.
 — Он не ребенок для вашей книги, когда вы
стираете его до рождения, — сказала Алиана.
 Старик
встретился с ней взглядом.
 И впервые за все время
в его лице мелькнуло нечто похожее на стыд.
 Карр
хлопнул ладонью по подлокотнику кресла, стоящего справа
от чаши.
 — Начинаем проверку.
 Зал выстроился
вокруг них.
 Советники заняли места полукругом. Илва
Моргрейв стояла отдельно, в тени, не отрывая взгляда от
книги. Селена оказалась у дальней стены рядом с матерью.
Ее лицо было белым как бумага. Рейнар встал слева от
Алианы, но на расстоянии. Берта, Сора и Нелла — позади,
словно маленькая, нелепая и очень упрямая крепость из

Лисса.
 — Первым, — произнес хранитель, — Арсен Морвель.
 Арсен не двинулся.
 Алиана наклонилась к нему.
 — Я рядом.
 — Ты пойдешь со мной?
 — Да.
 Хранитель открыл рот, но Рейнар посмотрел на него.
 Старик передумал возражать.
 Алиана и Арсен подошли к чаше.
 Пламя стало выше. Красное у основания, золотое по краям. Оно тянулось к мальчику, как зверь, узнающий запах крови.
 — Руку над огнем, — сказал хранитель.
 Арсен посмотрел на мать.
 — Не в огонь, — уточнила Алиана. — Над.
 Он протянул руку.
 Маленькую, детскую, с царапиной у большого пальца.
 Пламя взвилось.
 Алиана едва не отдернула сына, но Арсен не вскрикнул. Огонь не жег. Он обвинил его запястье красно-золотой лентой, поднялся до локтя, коснулся плеча.
 И вдруг весь зал услышал драконий рев.
 Не снаружи.
 Из пламени.
 Низкий, древний, признающий.
 На открытой странице книги вспыхнула красная линия. От имени Рейнара вниз, туда, где пустота. Линия дернулась, потянулась к первой точке.
 Все замерли.
 Алиана не дышала.
 Сейчас.
 Сейчас появится имя.
 Арсен Морвель.
 Арсен Моргрейв.
 Да хоть Арсен упрямый сын своей матери, только появись.
 Линия коснулась точки.
 И почернела.
 Пламя резко погасло вокруг руки мальчика.
 Книга не вписала имя.
 Арсен медленно опустил руку.
 — Что это значит? — спросила

Алиана.
 Хранитель не ответил.
 Рейнар сказал сам:
 — Кровь признана. Имя заблокировано.
 — Кем?
 Молчание.
 — Кем? — повторила она.
 Карр произнес:
 — Следующий ребенок.
 — Нет.
 — Госпожа Морвель...
 — Нет. Вы сейчас объясняете, почему родовое пламя признает моего сына по крови, но не дает ему имени.
 Карр посмотрел на нее холодно.
 — Потому что проверка еще не завершена.
 — То есть вы не знаете.
 — Следующий ребенок.
 Мирон вышел сам.
 — Я.
 Алиана повернулась к нему.
 — Мирон...
 — Если они хотят смотреть, пусть смотрят быстрее.
 Он подошел к чаше, стараясь казаться спокойным. Но Алиана видела, как дрожит его забинтованная ладонь.
 — Другую руку, — сказал хранитель.
 Мирон протянул левую.
 Пламя отозвалось иначе.
 Не ревом.
 Шепотом.
 Сотни голосов вдруг зазвучали под сводами зала. Мужские, женские, старые, детские. Они произносили клятвы, договоры, обещания, отказы. Некоторые звенели чисто, некоторые хрустели, как гнилые ветки. Мирон побледнел, сжал зубы.
 — Ему больно, — сказала Алиана.
 — Дар истины всегда болезнен при первом полном отклике, — произнес хранитель.
 — Уберите.
 — Нельзя.
 Рейнар шагнул вперед.
 Пламя взметнулось между ним и чашей, не подпуская.
 Мирон вдруг поднял голову и посмотрел прямо на Карра.
 — Здесь много

лжи.
 Карр улыбнулся.
 — Дитя слышит слишком много.
 — Нет. Я слышу ровно то, что вы прячете.
 — Мирон, — прошептала Алиана.
 Но пламя уже поднялось до его плеча.
 Книга вспыхнула второй линией. Черно-золотой. Она потянулась от имени Рейнара к второй точке.
 Мирон зажмурился.
 — Мам...
 — Я здесь.
 Линия коснулась точки.
 И снова почернела.
 Имя не появилось.
 Мирон отдернул руку, пошатнулся.
 Алиана подхватила его.
 — Все. Хватит.
 — Третий ребенок, — сказал Карр.
 — Она маленькая и напугана.
 — Все трое должны пройти проверку.
 — Я пойду, — прошептала Лея.
 Алиана повернулась.
 Дочь стояла у Берты, прижимая к груди деревянного дракона. Лицо мокрое от слез, но подбородок поднят.
 — Не надо, родная.
 — Надо. Если я не пойду, они скажут, что я опасная.
 Алиана почувствовала, как что-то внутри ломается.
 Ее маленькая девочка уже понимала язык взрослых угроз. Уже училась не быть удобной мишенью.
 — Я с тобой,
 — сказала Алиана.
 — И я, — сказал Арсен.
 — И я, — Мирон вытер нос рукавом.
 Хранитель попытался возразить:
 — К чаше допускается...
 Рейнар произнес:
 — Они подойдут вместе.
 — Процедура...
 — Меняйте.
 Карр вмешался:
 — Это искажает результат.
 Алиана посмотрела на него.
 — А вы боитесь, что дети будут сильнее

вместе?
 Карр не ответил.
 Вот и ответ.
 Лея подошла к чаше между братьями. Алиана стояла за ними, положив руки Арсену и Мирону на плечи. Рейнар остался чуть дальше. Но когда Лея протянула маленькую руку к пламени, он сжал кулаки так, что на костяшках выступила кровь.
 Серебряный огонь вспыхнул мгновенно.
 Не в чаше.
 Вокруг Леи.
 Он поднялся тонкими прозрачными лепестками, и зал исчез.
 Нет, не исчез.
 Память легла поверх настоящего.
 Белый зал. Алиана беременная, бледная, с рукой на животе.
 Рейнар в темной комнате до суда, сидящий в кресле, почти без сознания, с окровавленной повязкой на боку.
 Чья-то рука берет его ладонь.
 Прижимает к документу.
 Перо двигается не его волей.
 Черная капля крови расплывается на подписи.
 Карр стоит рядом.
 Илва у окна.
 Селена плачет за закрытой дверью.
 Голос женщины — резкий, шепчущий:
 «Если тройня выживет, роды падут. Нужно отречение до рождения».
 Память оборвалась.
 Лея вскрикнула.
 Книга вспыхнула третьей линией.
 Серебряной.
 Линия потянулась к третьей точке.
 Алиана уже знала.
 Но все равно надеялась.
 Пожалуйста.
 Пожалуйста, хоть ее.
 Линия коснулась точки.
 Почернела.
 Имя Леи не появилось.
 Пламя в чаше поднялось до самого свода и погасло резко, как задутый свечой.
 В темноте кто-то вскрикнул.
 Потом по стенам зажегся

холодный синий свет.
 Хранитель родовой книги стоял над страницей, и руки у него дрожали.
 Карр первым нарушил тишину:
 — Кровь Моргрейвов подтверждена. Имена не признаны.
 Алиана подняла Лею на руки.
 Дочь дрожала вся.
 — Почему? — спросила Алиана.
 Ее голос был тихим.
 Даже Берта не шевельнулась.
 — Почему пламя признает кровь, но не имена?
 Карр повернулся к Совету.
 — В связи с аномальным результатом проверка должна быть продолжена под надзором. Дети представляют магическую неопределенность и до выяснения причин не могут оставаться без родовой охраны.
 Рейнар шагнул вперед.
 — Они не останутся без охраны.
 — Вы заинтересованное лицо.
 — Я их отец.
 Слово ударило по залу, как гром.
 Арсен вздрогнул.
 Мирон резко посмотрел на него.
 Лея спрятала лицо у Алианы на груди.
 Алиана медленно повернулась к Рейнару.
 Он понял сразу.
 Поздно.
 — По крови, — сказал он глухо.
 — Осторожнее со словами, — сказала она.
 — Алиана...
 — Не сейчас.
 Карр воспользовался мгновением.
 — Именно поэтому необходимо временно передать детей под нейтральную защиту Совета. Мать, не имеющая родового права, не способна обеспечить безопасность носителей древней крови. Глава рода Моргрейвов эмоционально вовлечен. До выяснения обстоятельств дети будут размещены в

закрытом крыле Зала пламени.
 — Нет, — сказала Алиана.
 Карр будто ждал.
 — Ваше несогласие зафиксируют.
 — Не несогласие. Отказ. Мои дети никуда не пойдут без меня.
 — Это не просьба.
 — Я заметила.
 Стражи у стен двинулись.
 Рейнар резко развернулся. Вокруг него вспыхнул золотой жар.
 — Никто не тронет детей.
 Карр поднял руку.
 — Лорд Моргрейв, угроза Совету при проверке наследников будет расценена как попытка давления.
 — Расценивайте.
 — Рейнар, — сказала Алиана.
 Он замер.
 Она не смотрела на него. Смотрела на стражей.
 — Не огнем. Они этого ждут.
 Он медленно выдохнул.
 Пламя вокруг него стало тише, но не исчезло.
 Алиана поставила Лею на пол, хотя дочь не хотела отпускать ее шею. Потом взяла всех троих за руки.
 — Советник Карр, я требую вписать в протокол: проверка подтвердила кровь Моргрейвов у всех троих детей. Проверка также показала следы вмешательства в родовую книгу до их рождения. До выяснения виновного любые попытки передать детей под надзор Совета являются конфликтом интересов, потому что именно Совет участвовал в первоначальном отречении.
 Карр усмехнулся.
 — Вы не в суде.
 — Ошибаетесь. Любое место, где у матери пытаются забрать детей, становится судом. Просто не всегда мужчины за столом успевают это понять.
 Берта вышла вперед.
 — Я свидетель. Девочку напугали. Мать защищала. Пламя

показало, что документы с кровью лорда Моргрейва подписывали, когда он был без памяти. Еще я видела, как советник Карр стоял в том огненном видении рядом.
— Видение ребенка не является доказательством, — резко сказал Карр.
Мирон поднял голову.
— Вы боитесь его.
Карр замолчал.
— Мирон, — сказала Алиана.
— Он боится не видения. Он боится, что Лея покажет еще.
Карр сделал знак стражам.
Рейнар шагнул перед детьми.
Но Илва вдруг вышла из тени.
— Остановитесь.
Все повернулись к ней.
Даже Карр.
Леди Моргрейв была бледна, но держалась ровно.
— До полного Совета детей нельзя размещать в закрытом крыле.
Карр прищурился.
— Леди Илва, это не ваше решение.
— Зато я хранительница внутреннего устава рода Моргрейвов. Пока кровь признана, но имена заблокированы, дети не могут быть отделены от живого источника материнской линии без риска обрыва дара.
Алиана уставилась на нее.
Что?
Рейнар тоже.
— Ты знала? — спросил он.
Илва не посмотрела на сына.
— Не сейчас.
— Мать.
— Не сейчас, Рейнар.
Карр медленно произнес:
— Вы вмешиваетесь опасно поздно.
Илва встретила его взгляд.
— Но вмешиваюсь.
Тишина стала такой, что слышно было, как где-то за стеной трещит огонь.
Алиана не испытывала благодарности.
Нет.
Женщина, которая молчала

пять лет назад, не становилась спасительницей от одного своевременного слова.
 Но это слово дало им щель.
 Алиана сразу шагнула в нее.
 — Запишите в протокол мнение хранительницы внутреннего устава рода. Размещение детей без матери опасно для дара.
 Писец посмотрел на Карра.
 Рейнар сказал:
 — Писать.
 Перо закрипело.
 Карр стоял неподвижно.
 Потом улыбнулся.
 — Хорошо. До полного Совета дети останутся при матери.
 Лея облегченно выдохнула.
 Арсен опустил плечи.
 Мирон не расслабился.
 И правильно.
 Карр продолжил:
 — Но не в городе. И не в доме госпожи Морвель.
 Алиана сжала пальцы детей.
 — Где?
 — В замке Моргрейвов. Под родовой охраной. В присутствии матери. До завтрашнего заседания.
 Рейнар резко повернулся к нему.
 Илва закрыла глаза.
 Берта сказала:
 — Ага. Вот и мешок с мукой подвезли с другой стороны.
 Карр посмотрел на Алиану.
 — Вы можете отказаться. В таком случае Совет будет вынужден признать, что мать препятствует обеспечению безопасности детей с аномальной кровью.
 Ловушка.
 Красивая. Точная. Законная.
 Остаться в городе — значит, дать повод забрать детей. Поехать в замок Моргрейвов — войти в пасть рода, который однажды уже выплюнул ее в снег.
 Рейнар тихо сказал:
 — Я не позволю...
 — Молчите, — сказала Алиана.
 Он замолчал.
 Она посмотрела

на детей.
 Лея плакала молча. Мирон слушал зал так, будто вокруг было слишком много кривых слов. Арсен смотрел на нее. Не на Рейнара. Не на Карра. На нее.
 Выбирай, мама.
 Она присела перед ними.
 — Мы поедem в замок.
 Лея всхлипнула.
 — К нему?
 — Со мной.
 Арсен сжал кулаки.
 — Я не хочу.
 — Я знаю.
 — Там плохо.
 — Было плохо.
 — Будет.
 — Возможно.
 — Тогда зачем?
 Алиана коснулась его щеки.
 — Потому что сейчас они хотят, чтобы я отказалась. Если я откажусь, у них будет повод сказать, что я не думаю о вашей безопасности. Мы не дадим им этот повод.
 Мирон тихо спросил:
 — Мы будем пленниками?
 Алиана посмотрела на Карра.
 Потом на Рейнара.
 Потом на Илву.
 — Нет. Мы будем гостями, которые собирают доказательства.
 Берта громко добавила:
 — И свидетели едут тоже.
 Карр нахмурился.
 — В замке Моргрейвов не предусмотрено размещение посторонних.
 — Тогда предусмотрите сарай получше, — сказала Берта. — Я спать на камне не буду, у меня спина.
 Рейнар произнес:
 — Свидетели будут размещены в западном крыле.
 Карр хотел возразить, но Рейнар посмотрел на него так, что возражение умерло не родившись.
 Алиана поднялась.
 — Протокол. Копию мне.
 Писец замер.
 Карр улыбнулся:
 — После утверждения.
 — Сейчас. С пометкой

«предварительная копия». Или я прямо здесь продиктую свою версию всем свидетелям на площади.
 Берта уже открыла рот.
 — Выдадите копию, — сказал Рейнар.
 Пока писец торопливо переписывал протокол, Алиана смотрела на открытую родовую книгу.
 Три черные точки.
 Три неписанных имени.
 Три ребенка, которых пламя знало и не могло назвать.
 Лея тихо потянула ее за рукав.
 — Мам, я правда без имени?
 Алиана опустила перед ней.
 — Нет, родная.
 — Но книга...
 — Книга глупая.
 — Старая?
 — Очень.
 Мирон сказал:
 — Берта говорила, старые не всегда глупые.
 — Эта — точно.
 Арсен посмотрел на страницу.
 — Она нас видит.
 Алиана повернулась к сыну.
 — Что?
 — Книга нас видит. Просто кто-то закрыл ей рот.
 В зале стало холодно.
 Хранитель родовой книги побледнел так, будто мальчик произнес запретные слова.
 Рейнар медленно подошел к странице.
 — Повтори.
 Арсен не отвел глаз от книги.
 — Она хочет сказать. Но не может.
 Мирон прислушался.
 — Там клятва. Много клятв. Они держат имена.
 Лея вдруг подняла голову.
 — И кровь.
 Алиана встала.
 — Чья кровь?
 Дочь смотрела на черные точки.
 — Папина.
 Слово повисло в воздухе.
 Рейнар закрыл глаза.
 Алиана ощутила, как Лея сама испугалась сказанного. Девочка прижала ладони к губам, будто хотела вернуть слово обратно.
 Рейнар

не шагнул к ней.
 Не заговорил.
 Просто стоял.
 Карр сказал слишком быстро:
 — Дети устали. Проверка завершена.
 Мирон дернулся.
 — Ложь.
 Теперь уже Алиана не остановила.
 — Что ложь?
 Сын посмотрел на Карра.
 — Не завершена. Он боится, что мы сейчас услышим еще.
 Карр побледнел от злости.
 — Ребенок не контролирует дар.
 — Зато вы очень контролируете страх, — сказала Алиана. — Но плохо.
 Рейнар повернулся к хранителю.
 — Закройте книгу.
 — Лорд?
 — Закройте. До полного Совета никто не касается страницы моих детей.
 Алиана резко посмотрела на него.
 Моих.
 Он понял.
 — Детей Алианы, — поправился он. — И моей крови.
 Плохо, но лучше.
 Хранитель закрыл книгу.
 Пламя в чаше вспыхнуло на миг и погасло полностью.
 Зал погрузился в полумрак.
 И в этот момент Алиана вдруг слышала звук.
 Не ушами.
 Где-то внутри, в том месте, где чужая память Алианы Морвель все еще иногда отзывалась болью.
 Тихий детский смех.
 Не Арсена.
 Не Мирона.
 Не Леи.
 Совсем маленький, будто из прошлого.
 Она обернулась.
 У дальней стены, там, где стояла Селена, серебряная искра проскользнула по камню и сложилась в слабый образ.
 Колыбель.
 Пустая.
 Рядом женская рука складывает крошечные вещи в сундук.
 На крышке сундука знак Моргрейвов.
 Потом голос Селеной матери:

«Первые дети должны исчезнуть до первого крика. Иначе трон проснется».
Образ погас.
Селена стояла блее мела.
Алиана смотрела на нее.
Теперь она знала: комната с детскими вещами была не просто памятью. Кто-то готовил место для ребенка Алианы еще до изгнания.
И кто-то потом спрятал это место.
Карр резко хлопнул ладонью.
— Все. Проверка окончена.
Да.
Окончена.
Но теперь у Алианы появился новый вопрос.
Если тройня должна была исчезнуть до первого крика, кто помог ей родить живых детей?
Марта?
Случай?
Или прежняя Алиана успела сделать больше, чем просто умереть у ворот?
Протокол принесли через несколько минут.
Алиана взяла копию, прочитала, заставила Берту поставить свидетельский крест рядом со своим, Сору и Неллу — подписи. Потом сложила бумагу и спрятала во внутренний карман.
Карр проводил взглядом этот жест.
Не понравилось ему.
Хорошо.
На выходе из зала площадь встретила их гулом. Люди уже знали: пламя признало кровь, но не имена. Такие слухи рождались прямо из камня.
Рейнар шел рядом, но на расстоянии. Илва — впереди, не оборачиваясь. Селена осталась у двери зала, бледная, с руками, сжатыми до белых костяшек.
Алиана остановилась возле нее.
— Вы что-то знаете.
Селена вздрогнула.
Ее мать резко шагнула вперед.
— Госпожа Морвель, моя дочь не имеет отношения к вашим...
— Молчите, — сказала

Алиана.
 Женщина задохнулась от возмущения.
 Селена подняла глаза.
 — Я не знала о тройне.
 — А о ребенке?
 Та сглотнула.
 — Я думала... мне сказали, что он не выжил.
 Алиана почувствовала, как рука Арсена дернулась в ее ладони.
 — Кто сказал?
 Селена посмотрела не на Карра.
 На свою мать.
 И этого хватило.
 Мать схватила ее за локоть.
 — Мы уходим.
 — Нет, — прошептала Селена. — Я больше не могу.
 Карр резко обернулся, хотя стоял далеко.
 Слишком резко.
 Селена испугалась и замолчала.
 Но Алиана уже увидела главное.
 Трещину.
 Еще одну.
 — Мы поговорим, — сказала она.
 Селена едва заметно кивнула.
 Ее мать увела ее почти силой.
 Рейнар подошел ближе.
 — Что она сказала?
 — Что вы все вокруг очень любите молчать, пока женщины и дети платят за это кровью.
 Он не стал защищаться.
 — Да.
 — Не соглашайтесь со мной так часто. Раздражает.
 — Я постараюсь раздражать разнообразнее.
 Мирон неожиданно фыркнул.
 Алиана посмотрела на Рейнара почти с возмущением.
 Не смей быть остроумным.
 Он будто услышал и сразу снова стал мрачным.
 К замку Моргрейвов ехали молча.
 На этот раз Алиана не смотрела в окно. Она держала Лею, слушала ровное дыхание Мирона, чувствовала, как Арсен сидит слишком прямо, и думала о трех черных точках в книге.

Кровь признана.
Имена заблокированы.
Мать не вписана в право защиты.
И еще: «Первые дети должны исчезнуть до первого крика».
Когда карета остановилась, Лея спала.
Алиана осторожно подняла ее на руки и вышла.
Перед ними стоял замок Моргрейвов.
Тот самый.
Черные башни. Железные ворота. Каменные драконы на стенах.
Пять лет назад ее выбросили отсюда в снег.
Теперь она вернулась с тремя детьми, которых этот замок не смог вычеркнуть до конца.
Рейнар стоял у ворот.
Бледный.
Очень тихий.
— Это ваш дом, — сказал он детям.
Арсен посмотрел на него и ответил: — Нет. Это место, откуда выгнали маму.
Рейнар не нашел ответа.
И правильно.
Алиана подняла голову и шагнула через ворота.
За стенами замка было тепло, светло и страшно знакомо. На лестнице стояли слуги, родичи, стража. Все смотрели на нее. На детей. На Лею на ее руках.
А в глубине большого холла висел огромный портрет Рейнара и Алианы.
Свадебный.
Нет.
Не так.
Портрет был изменен.
Лицо Алианы на нем стерли почти полностью. На его месте проступали чужие светлые черты.
Селены.
Лея проснулась и посмотрела туда же.
Серебряные искры вспыхнули у нее на пальцах.
— Мам, — прошептала она. — Там украли твое лицо.
Алиана смотрела на портрет.
Потом на Рейнара.
Потом на Илву, застывшую у лестницы.
— Вот с этого и

начнем, — сказала она.
 И в тишине замка Моргрейвов
ее голос прозвучал спокойнее клинка:
 — Кто переписал
мой портрет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.